

ВИКТОР АЛЕВЕТДИНОВ

Имя Нивендры

— Пять ключей Корселуна —

— Книга 1 —

— КОСМИЧЕСКАЯ САГА —

Виктор Алевветдинов
Книга 1. Пять ключей
Корселуна. Имя Нивендры
Серия «Пять ключей
Корселуна», книга 1

*<https://litres.ru/73999019>
SelfPub; 2026*

Аннотация

В Корселунской дуге мира соединены гиперкольцами, древними маршрутами и протоколами, которые помнят больше, чем живые. Люмира хранит порядок. Вейран считает выгоду. Ардин ждёт своего часа. А забытая Нивендра молчит — пока её имя не звучит снова.

Ария Тадрин, куратор Люмира, приходит на торжественное открытие гиперузла и за несколько минут теряет всё: должность, прошлое, фамилию и право на собственную биографию. Древний резонатор Синен называет её другим именем — Ария Целестина Синен. Теперь Совет хочет изолировать её, Вейран — использовать, Ардин — найти, а Голоссеть пробуждает тайну, спрятанную шестнадцать лет назад.

Чтобы узнать, кто она на самом деле, Арии придётся пройти путь к Нивендре, раскрыть разрыв имени и понять, почему Первый ключ Корселуна боятся все силы Дуги.

«Имя Нивендры» — начало космической саги о памяти, власти, выборе и праве человека самому назвать себя.

Содержание

Часть I. Чужое имя	5
Глава 1. Приём в Зале Голосов	5
Глава 2. Приказ, которого не было	19
Глава 3. Журналистка на чужом этаже	32
Глава 4. Резонатор Синен	46
Глава 5. Имя, сказанное сетью	60
Глава 6. Окно в доке семнадцать	75
Глава 7. Чёрный протокол Люмира	90
Глава 8. Архивный ребёнок	106
Глава 9. Первый беглец	121
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Книга 1. Пять ключей Корселуна. Имя Нивендры

Часть I. Чужое имя

Глава 1. Приём в Зале Голосов

Ария Тадрин вошла в Зал Голосов за семь минут до начала приёма. Этого хватало, чтобы заметить ошибки и успеть их исправить. В Люмире любая ошибка быстро превращалась в протокол, а протокол — в чью-то судьбу.

Зал светился сдержанно: матовые стены, линии допуска в полу, прозрачный купол. За бронестеклом сиял гиперузел. За стеклом медленно вращалось новое гиперкольцо. Пока оно было закрыто, но вокруг стояли корабли сопровождения и ремонтные платформы.

Ария остановилась у входной арки. Сканер провёл по ней белой полосой, замер на уровне горла и выдал обычный сигнал.

АРИЯ ТАДРИН. ПРОТОКОЛЬНЫЙ ДОПУСК. УРОВЕНЬ СЕРЕБРО.

Строка исчезла вскоре. На её месте мелькнула рябь. Ария успела заметить чужой знак: две расходящиеся линии и точ-

ку между ними. Потом интерфейс вернулся в норму.

Охранник у арки тоже заметил сбой, но сделал вид, что ничего не произошло. Так в Люмире начиналась тревога: сначала её не видели, потом оформляли, потом объясняли, что всё было под контролем.

— Проблема с контуром? — спросила Ария.

— Никак нет, куратор Тадрин. Плановая перенастройка Голоссети перед приёмом.

— Плановая перенастройка обычно не моргает чужими знаками.

Охранник замолчал. На лице появилась служебная пустота.

— Передать техникам?

— Передали, — сказала Ария и прошла дальше.

Она не передавала. Пока.

В центре зала стоял кристалл-резонатор.

Официально его привезли как экспонат из закрытого фонда. Табличка рядом была аккуратной и скучной: «Кристалл-резонатор. Предположительно, элемент системы раннего доступа. Неактивен. Безопасен для демонстрации».

Ария прочитала табличку и едва не усмехнулась. Слово «безопасен» рядом с предметом выше человеческого роста и с внутренним светом цвета старой крови звучало бодро.

Кристалл стоял в круге ограничителей. Чёрное стекло, грани, слабые искры внутри. Он не шумел и не подавал признаков жизни. Но Ария чувствовала его отчётливо, как

взгляд в спину в пустом коридоре.

— Вы снова пришли раньше всех, — сказал за её плечом Дариус Харран.

Ария не вздрогнула. Она давно научилась не вздрагивать, когда за спиной появлялся генерал. Особенно если генерал был её союзником и самой неудобной частью сегодняшнего вечера.

Дариус стоял в тёмной форме Люмира без лишних знаков. Он не любил парадную мишуру.

— Я пришла проверить зал, — сказала Ария.

— И что?

— Зал делает вид, что всё хорошо.

— Значит, научился у Совета.

Она посмотрела на него. Шутка была сухая, незаметная, но для Дариуса это считалось праздничным настроением.

— Ты тоже заметил сбой на арке?

— Заметил. Техники говорят, что Голоссеть чистят перед трансляцией. Я не люблю слово «чистят», когда речь о памяти.

Ария снова взглянула на резонатор. Внутри чёрного стекла прошла медленная искра. Может быть, отражение. Может быть, нет.

— Сегодня нужно пройти приём: улыбнуться нужным людям, открыть узел и не дать Вейрану продать нам наш маршрут, — сказала она.

На нижней галерее толпились журналисты. В первом ряду

стояла Лейла Тран: короткие тёмные волосы, старый браслет записи, взгляд не на чиновников, а на технические арки.

— Её всё-таки пустили? — спросила Ария.

— Ты сама подписала допуск. Ограниченный, но она дважды была у служебного лифта.

— Пусть смотрит. Если мы ничего не скрываем, она ничего не найдёт.

Дариус промолчал.

— Ты сейчас очень громко не согласился.

— Я военный. Мы даже молчим строим.

Ария улыбнулась краем губ. На секунду стало легче.

Потом к ним подошёл федеральный куратор Тавен Морр, и лёгкость закончилась.

Морр был невысоким, гладко одетым человеком с лицом, которое не выражало ни возражения, ни радости, ни удивления. Неприятные вещи он произносил так, словно предлагал передвинуть стул.

— Куратор Тадрин. Командор Харран. Рад видеть, что военный и протокольный контуры согласованы.

— Если бы они были согласованы, вы бы не пришли лично, — ответила Ария.

Морр посмотрел на неё с вежливой усталостью.

— Порядок церемонии изменён. После приветственной речи вы проведёте делегацию к центральному стеклу. Затем представитель Института даст короткое объяснение по гиперзлу. После этого будет демонстрация Голоссети.

— Вчера демонстрации Голоссети не было.

— Совет решил добавить её утром.

— Утром Совет обычно добавляет проблемы.

— Новый гиперузел должен быть принят обществом. Люди боятся кольцевых маршрутов. Нам нужна не только техника, но и доверие.

Ария знала эту фразу. Она означала: «Нам нужна красивая картинка, пока мы не объяснили риски».

— Кто ведёт демонстрацию?

— Центральная Голосеть. В безопасном режиме.

— Безопасный режим у Голоссети — это когда она молчит.

Морр протянул ей пластину с речью.

— Прошу не отходить от текста.

— Я читала прошлую версию.

— Это новая.

Дариус тихо кашлянул. Морр взглянул на него, потом снова на Арию.

— Приём важен для Люмира. Сегодня вы показываете, что порядок может быть понятным.

Ария хотела ответить, что порядок, которому нужно красивое лицо, сам себе не доверяет. Но в зал входили старшие делегаты.

— Я проведу делегацию, — сказала она. — Но если Голосеть снова моргнёт чужим знаком, я остановлю демонстрацию.

— Чужим знаком?

— Спросите техников. Они делают вид, что разбираются. Морр задержал на ней взгляд чуть дольше обычного.

— Разумеется.

Он ушёл. Дариус проводил его глазами.

— Ты сказала ему про знак.

— Да.

— Теперь он скажет тем, кто скажет другим, что ты заметила.

— Хорошо. Может, кто-нибудь начнёт делать работу.

— Или начнёт прятать следы быстрее.

Ария посмотрела на него. Дариус редко говорил лишнее. Значит, думал о следах. И о тех, кто их прячет.

— У тебя есть отдельные причины нервничать?

— После приёма поговорим, — сказал Дариус.

Ария не любила эту фразу. В ней всегда сидело что-то закрытое: приказ, болезнь, долг или ошибка.

Приём начался без явного сбоя. Подозрительно.

Ария двигалась между группами гостей, представляла людей друг другу, гасила мелкие острые углы и держала темп. Вейранские наблюдатели улыбались, когда кто-то говорил «общественное благо». Им это выражение нравилось: в него удобно было прятать контракт.

— Куратор Тадрин, — обратился к ней высокий человек в серебристо-сером костюме. — Солар Иксон, Консорциум Вейран. Благодарю за приглашение.

Ария знала его по закрытым сводкам. Он мог назвать блокаду «логистической коррекцией» и не моргнуть.

— Вейран приглашён как наблюдатель. Это разные вещи.

— Наблюдение часто полезнее участия. Видишь больше, отвечаешь меньше.

— Я многое понимаю, куратор Тадрин. Например, что этот резонатор в центре зала не музейная игрушка.

Её пальцы на бокале сжались.

— Осторожнее, господин Иксон. В Люмире не любят, когда гости знают больше табличек.

— Тогда у вас странная традиция звать гостей из Вейрана.

Солар наклонил голову и отошёл к своей группе. Он не сказал ничего прямого, поэтому его слова остались в голове.

Через пять минут Арию позвали к центральной площадке.

Зал постепенно затих. Свет стал ниже. Голоссеть вывела над куполом эмблему Люмира: раскрытое кольцо, пересечённое линией закона. За бронестеклом гиперузел повернулся, и на его кромке пробежали первые синие искры.

Ария встала перед гостями. Перед ней было несколько сотен лиц. Дариус стоял справа, чуть позади. Морр — слева, у протокольной стойки. Солар Иксон находился напротив резонатора. Лейла Тран на нижней галерее подняла запись на браслете.

Ария открыла речь. Пластина послушно вывела первый абзац.

«Сегодня Люмира подтверждает свой главный долг —

удерживать связь миров, не превращая связь в зависимость».

Она едва не остановилась. Этого абзаца утром не было.

Ария подняла глаза от текста.

— Сегодня мы открываем не новый маршрут, — сказала она. — Маршрут может вывести корабль к помощи, а может привести флот к чужой границе. Поэтому Люмира берёт на себя не право владеть переходом, а обязанность удерживать его открытым и безопасным.

На лицах советников появилось умеренное одобрение. Они любили слово «обязанность».

— Гиперузел Астрен-Вал свяжет внутренние миры Дуги с тремя крайними системами. Но любой путь держится не только на кольце. Он держится на доверии тех, кто входит в него.

Где-то на галерее щёлкнул незаконный усилитель записи. Охрана двинулась было туда, но Ария слегка подняла руку. Не сейчас.

Речь закончилась лучше, чем начиналась. Неприятное ощущение задержалось. Хорошие речи часто скрывали плохие решения.

Инженер Института вышел к центральному стеклу и начал объяснять узел. Он говорил о контуре безопасности, синхронизации кольца, внешних маяках. Делал это так, что даже учёные начали скучать. Зато никто не пугался.

Ария слушала вполуха. Её внимание снова ушло к резонатору.

Внутри чёрного кристалла появилась красная искра. Она двигалась медленно, по кругу, словно искала выход.

Ария шагнула ближе.

Ограничитель вокруг экспоната тихо пискнул. На браслете появилось предупреждение: «Не входить в охранный круг». Она и не входила. Стояла рядом, на разрешённом расстоянии.

Резонатор ответил новым импульсом. Ария почувствовала его в груди. Короткий удар, будто кто-то постучал изнутри. Не больно, но лично.

Она выдохнула и заставила себя слушать инженера.

— Голосеть подключена только к открытому слою, — говорил он. — Личные архивы и закрытые каналы в демонстрации не участвуют.

На нижней галерее Лейла Тран что-то сказала соседу. Тот усмехнулся.

Ария могла бы усмехнуться тоже. Если кто-то дважды повторяет, что личные архивы не участвуют, значит, личные архивы стоят за дверью и спрашивают, где им сесть.

Голосеть ожила.

Под куполом развернулся мягкий световой круг. В нём появилась схема нового гиперузла: линии маршрутов, точки маяков, грузовые зоны, эвакуационные коридоры. Голос системы был нейтральным, без пола и возраста.

— Гиперузел Астрен-Вал готов к первичному общественному представлению. Контур безопасности стабилен. Внеш-

нее кольцо закрыто. Внутренний расчёт подтверждён.

В зале стало тише. Голосеть умела брать внимание. Не громкостью, а странным чувством: она говорила не в уши, а сразу в общее пространство.

— Подтвердите протокольную группу, — попросил инженер.

Над площадкой появились имена. Делегации, советники, военные, кураторы. Всё шло верно.

АРИЯ ТАДРИН. ПРОТОКОЛЬНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ. УРОВЕНЬ СЕРЕБРО.

Строка держалась долю секунды. Потом вокруг букв дрогнул свет.

Ария увидела, как Дариус сделал шаг к ней. Морр тоже заметил сбой, но не шагнул. Он только опустил руку к браслету.

Резонатор в центре зала потеплел. Не физически: до него было несколько метров. Но Ария вдруг ощутила жар на ладони, той самой, которой раньше касалась только бокала.

— Система? — спросил инженер. — Повторите подтверждение.

— Подтверждение выполняется, — ответила Голосеть.

Голос изменился. На слух — нет. Но Ария уловила в нём другой слой. За ровной фразой стоял очень далёкий шёпот.

Схема гиперузла на куполе мигнула. На секунду маршруты исчезли, и вместо них появились чужие строки. Не на общем языке Люмира. Не на современном архивном коде.

Древние знаки, острые и неровные.

Инженер побледнел.

— Отключите визуальный слой, — сказал Морр тихо, но зал был тихим.

Техники у боковых стоек бросились к панелям. Один уронил стилус. В обычный день Ария нашла бы это смешным: человек, отвечающий за узел между мирами, проиграл битву с канцелярской мелочью. Сейчас смешно не было.

Резонатор дал второй импульс.

Свет в зале просел. За бронестеклом гиперкольцо замедлило вращение. На дальних доках вспыхнули жёлтые огни.

Ария слышала детский плач.

Он длился меньше секунды. Его можно было списать на сбой звука. Но плач был не в зале. Он прошёл внутри, по памяти, которой у неё не было.

Она сжала ладонь. Ногти упёрлись в кожу.

— Ария, — тихо сказал Дариус.

Он был рядом.

— Я слышала, — ответила она.

— Что?

Она не успела сказать.

Голоссеть вывела под куполом новую строку. Не все её увидели: часть света падала, проекции рвались, техники перекрывали каналы. Но Ария увидела ясно.

ДОПУСК ТАДРИН НЕ ПОДТВЕРЖДЁН.

В зале поднялся шум. Советники потянулись к охране.

Представители Вейрана, наоборот, замерли и смотрели так внимательно, что Арии захотелось закрыть им глаза руками.

— Центральная, отменить последнюю строку, — крикнул инженер. — Вернуть протокольный список.

Голосеть молчала.

Резонатор раскрылся светом. Не полностью, не как устройство, которое включили. Скорее как рана, из которой просочилось красное сияние. Внутри чёрного стекла проступили линии. Они сошлись в тот самый знак, который мелькнул на входной арке.

Две расходящиеся линии. Точка между ними.

Ария не знала этого знака. Сердце забилося быстрее. Во рту пересохло, ладонь обожгло жаром.

Морр подошёл ближе. Лицо у него осталось вежливым, но голос стал ниже.

— Куратор Тадрин, отойдите от экспоната.

— Я не подходила к нему.

— Отойдите.

Дариус встал между ними не полностью, но достаточно.

— Куратор стоит в разрешённой зоне.

— Командор, не мешайте работе Совета.

— Тогда начните работать. У вас древний резонатор активируется посреди полного зала.

Морр смотрел на Арию. Впервые за вечер в его взгляде было не раздражение. Страх. Хорошо спрятанный, сухой, государственный страх.

— Вы знали, что он может сработать, — сказала она.

— Сейчас не время.

— Значит, знали.

Вокруг них двигалась охрана. Не к резонатору. К ней.

Гиперкольцо за стеклом дало короткий всплеск. По полу прокатилась вибрация. Несколько гостей вскрикнули. Один бокал упал и разбился.

— Центральная Голосеть, — сказал инженер, больше не скрывая паники. — Назовите источник сбоя.

Ответ пришёл не сразу. Под куполом собрались обрывки света. Они складывались плохо, с помехами. Часть букв выгорала сразу. Часть появлялась перевёрнутой. Потом всё вдруг стало чистым.

И Голосеть произнесла:

— Источник не является сбоем.

В зале наступила тишина. Ария услышала собственное дыхание. Оно было удивительно спокойным.

— Центральная, уточнить, — сказал инженер.

Голосеть не уточнила.

Резонатор погас.

На одну секунду весь зал остался без света. Исчезли лица, стены, купол, гиперузел за стеклом. Остался только детский плач, который Ария больше не могла списать на технику.

Потом свет вернулся.

Кристалл стоял прежний. Чёрный, неподвижный, музейный. Но на внутреннем стекле центральной грани горел знак.

Под ним медленно проявлялись буквы, и это было не имя Тадрин.

Ария смотрела на запрещённый знак Нивендры и впервые за много лет не знала, какое лицо нужно показать людям.

Глава 2. Приказ, которого не было

Дариус Харран не любил приёмы. На приёме удар шёл из бокала, улыбки, поправки в списке гостей или из фразы «Совет просит вас на минуту».

Эта фраза догнала его за двадцать минут до выхода Арии к центральной площадке.

Младший офицер связи появился у бокового коридора, вытянулся по форме и протянул серую капсулу без знаков. Такие не отправляли ради расписания. В таких капсулах приходили приказы, после которых кто-нибудь обязательно говорил: «Это была необходимость».

— Командор Харран, закрытый пакет Совета безопасности.

— Передайте в штабной канал.

— Нельзя, господин командор. Только лично. Подтверждение по ладони и голосу.

Дариус приложил ладонь к замку. Капсула проверила кожу, пульс, старый флотский шрам у большого пальца. Потом попросила голос.

— Дариус Харран. Командор узлового флота. Личный допуск семь-девять.

Капсула раскрылась. Внутри лежала чёрная пластина. На поверхности вспыхнула красная строка:

ПРОТОКОЛ СДЕРЖИВАНИЯ. ОБЪЕКТ: АРИЯ ТАД-

РИН.

Дариус перечитал строку один раз. Потом второй. Имя не изменилось.

В боковом коридоре шум приёма казался далёким. Там смеялись делегаты и спорили техники. Здесь, у закрытой панели связи, воздух стал теснее.

Он нажал на пластину. Текст раскрылся сразу, без предисловий. Совет не любил лишних слов, когда собирался нарушить чью-то жизнь.

«При активации древнего кристалл-резонатора, связанного с системой раннего доступа Синен, лицо Ария Тадрин подлежит немедленной изоляции. Основание: риск голоссетевого заражения, риск несанкционированного доступа, риск общественной дестабилизации. Судебное решение не требуется. Командор Дариус Харран обязан обеспечить передачу лица под контроль Совета безопасности».

Дариус стоял неподвижно. В документе слово «риск» повторялось слишком часто, а слова «вина» не было ни разу. Так писали приказы, которые готовили заранее, задолго до тревожной кнопки.

Он пролистнул ниже. Там были подписи, даты, уровни допуска. Часть строк закрыта, но дата создания открылась полностью.

Шестнадцать лет назад.

На секунду захотелось разбить пластину о стену. Но разбитые приказы не исчезали. Они становились удобнее для

тех, кто потом скажет, что ничего не видел.

— Пакет получен? — спросил офицер связи.

— Получен.

— Совет просит подтверждение принятия протокола.

— Подтверждение будет после проверки подлинности.

— Там стоит красная печать.

— Я умею читать цвета.

Офицер отступил. Дариус пожалел его. Почти. Парень был рукой. Приказ лежал выше.

За стеклом служебной галереи двигались гости. Ария стояла у входной арки и говорила с охранником. На лице у неё была та спокойная собранность, которая всегда раздражала людей послабее.

И где-то шестнадцать лет назад кто-то написал приказ, что её можно изолировать без суда.

Дариус прошёл к внутреннему посту охраны.

— Поднять закрытый канал ко мне. Без Совета. Только флотская линия.

Экран ожил. Несколько секунд шли помехи, затем появилась Сайра Рут.

Она была в адмиральской форме, без украшений. Серые глаза, ровная посадка, лицо человека, который не тратит силы на лишнюю мимику. Рядом с ней виднелись карты узла и красные отметки по периметру. Сайра сидела не на приёме. Она сидела на охоте.

— Дариус, — сказала она. — Ты получил пакет.

— Получил. Объясни мне, почему приказ на изоляцию Арии создан шестнадцать лет назад.

Сайра даже не моргнула.

— Не по открытому каналу.

— Это флотская линия.

— Флотские линии тоже пишутся.

— Тогда говори так, чтобы потом не стыдно было читать.

В её взгляде мелькнуло что-то живое, но быстро ушло под лёд.

— Это не личное. Это протокол.

Дариус невесело усмехнулся.

— Когда люди говорят «это не личное», дальше обычно идёт самая личная часть.

— Не играй словами. Резонатор в зале связан с остаточными протоколами Синен. Если он откликнется на Арию, Совет обязан предотвратить панику.

— Почему он должен откликнуться на неё?

Сайра молчала долго.

— Ты знаешь больше, чем написано в пакете, — сказал Дариус.

— Я знаю достаточно, чтобы не спорить с красной печатью.

— Удобно.

— Нет. Неудобно. Но красная печать появляется не потому, что кому-то не понравилась речь на приёме.

Он посмотрел через стекло. Ария шла по залу рядом с де-

легацией. Она улыбнулась старому губернатору. Он сбился с приветствием, и Ария тихо подсказала нужную фразу.

— В приказе нет обвинения, — сказал Дариус. — Есть только фраза «изолировать лицо».

— Иногда лицо является доступом.

Слова повисли между ними.

Дариус почувствовал, как внутри всё стало холоднее. Не от страха. От точности.

— Повтори.

— Не могу.

— Сказала.

— Забудь.

— Поздно.

Сайра наклонилась ближе к экрану.

— Если резонатор активизируется, охрана Совета не станет ждать. Ты либо помогаешь взять её тихо, либо зал сорвётся в драку. Здесь гражданские. Ты сам считай потери.

— Не прикрывай ловушку гражданскими.

— Я прикрываю гражданских от ловушки.

— Которую вы сами поставили.

Сайра впервые повысила голос. Не сильно, но для неё это уже считалось криком.

— Ты правда хочешь возвращения Синен? Один сбой Голоссети — и половина Дуги снова начнёт искать себе трон.

— Ария не империя.

— Пока нет. Именно поэтому её нужно удержать раньше,

чем за неё начнут говорить мёртвые дома, живые фанатики и торговцы из Вейрана.

Дариус промолчал. В словах Сайры была своя правда, использованная как нож.

— Что с Вейраном?

— Двое наблюдателей на приёме. Солар Иксон среди них. Формально — инфраструктурные риски.

— Неформально?

— Вейран не присылает таких людей смотреть на открытие маршрута.

Значит, они тоже знали. Или догадывались.

— Почему мне сообщили только сейчас? — спросил он.

— Потому что Совет сомневался в твоей реакции.

— Совет оказался умнее, чем выглядит.

— Не шути.

— Я не шучу.

Сайра смотрела на него больше не как адмирал на командора, а как человек из прошлого, где они ещё могли говорить без записывающих линий.

— Дариус, — сказала она тише. — Ты близко к ней.

— Осторожно, Сайра.

— Я осторожна. Поэтому ещё разговариваю. Ты защищаешь Арию как человека. Я понимаю. Но если она связана с Синен, вопрос больше не в человеке.

— Вот с этого обычно всё и начинается. С фразы, что вопрос больше не в человеке.

Её лицо снова стало холодным.

— У тебя пять минут до демонстрации Голоссети. После активации резонатора я введу протокол сдерживания. Ты либо передашь её моим людям, либо будешь считаться препятствием операции.

— Быстро вы умеете превращать союзников в препятствия.

— Мы оба умеем.

Экран погас.

Он вынул пластину снова и открыл нижний слой. Красная печать требовала подтверждения. Под ней была ссылка на приложение: «Исторические основания риска».

Дариус запросил доступ. Система выдала отказ. Он попробовал флотский обход. Отказ повторился. Тогда он ввёл личный код старого боевого допуска, которым пользовался только один раз, во время эвакуации с Лаэрна. Код сработал не сразу. Экран мигнул и открыл часть файла.

Открылся архивный фрагмент, собранный из медицинских заметок, эвакуационных списков и отчётов о падении Синен. Часть строк была вырезана грубо, будто архив чистили люди в панике.

«Нивендра. Детский сектор. Эвакуационный коридор семь. Потеря контроля. Объекты распределены по временным линиям опеки. Один носитель требует отдельного протокола».

Носитель.

Он ненавидел это слово. Так называли не человека, а контейнер. Носитель риска, носитель доступа, носитель заражения. Очень удобно для тех, кто не хочет видеть лицо.

В следующем фрагменте стояло: «Проектная линия Тад-рин признана устойчивой. Памятная сшивка проходит без видимого сопротивления. Голосовой след разорван».

Дариус опустил пластину. Это был не приказ на случай аварии. Это был след старой работы: кто-то когда-то обращался с жизнью Арии как с закрытым механизмом.

Он должен был пойти к ней сразу, но тогда охрана Совета получит основание: командор Харран срывает церемонию и выводит объект до проверки.

Объект. Даже мысленно он не хотел ставить это слово рядом с ней.

Дариус включил локальную связь с начальником охраны.

— Переставить два звена к нижней галерее. Без шума.

Гражданских не пугать.

— Основание?

— Моё плохое настроение.

— Принято, господин командор.

Дариус направился к выходу из галереи, но пластина снова нагрелась. Открылся дополнительный файл: «Личный контроль: С. Рут».

Запись была без изображения. Только голос. Молодая Сайра. Семнадцать лет назад.

«Если ребёнок выжил, её нельзя оставлять у синенских

хранителей. Они назовут это спасением и снова сделают клетку. Люмир обязан принять контроль».

Дальше говорил другой человек. Голос был скрыт.

«Контроль временный».

Молодая Сайра ответила так же сухо, как сегодняшняя:

«Временный контроль редко умирает вовремя».

Запись оборвалась.

Сайра стояла у истоков приказа или рядом с ними. Её старейший выбор вырос в протокол изоляции.

В зале зазвучала вступительная музыка. Ария должна была выходить к центральной площадке.

Дариус пошёл туда быстро, но не бегом. Бегущий командор на приёме пугает сильнее аварийной сирены.

У центральной арки его перехватил Морр.

— Командор Харран, вы получили пакет.

— Вы очень любите очевидные фразы.

— Я прошу подтвердить исполнение протокола.

— После проверки подлинности.

— Красная печать Совета не требует проверки.

— У меня плохая привычка. Я проверяю приказы, которые касаются живых людей.

Морр сделал шаг ближе. На его лице не было злости. Только усталость человека, которому мешают правильно расставить тяжёлые предметы.

— Ария Тадрин важна для стабильности.

— Тогда не надо было ставить её под удар посреди пол-

ного зала.

— Никто не ставил её под удар.

— Резонатор привезли вы. Демонстрацию добавили утром. Приказу шестнадцать лет. Это похоже на готовую схему.

Морр посмотрел на него долго.

— Вы видите засаду там, где есть система сдерживания.

— Засада обычно тоже называет себя системой.

— Харран, если она окажется тем, чем может оказаться, ваши личные чувства никого не спасут.

— А ваши протоколы кого-то спасли?

Морр не ответил. В зале началась речь Арии.

Дариус занял место справа, чуть позади. Отсюда видел зал, центральное стекло, резонатор, Морра, нижнюю галерею и представителей Вейрана. Солар Иксон смотрел не на речь, а на кристалл.

Ария говорила про маршрут, помощь и ответственность. Лучше, чем написал бы любой советник.

Голосеть вывела эмблему Люмира. Инженер начал объяснять гиперузел. Дариус слушал не слова, а зал: шорохи, движение охраны, задержки в дыхании.

Пластина в кармане нагрелась.

ПРОТОКОЛ СДЕРЖИВАНИЯ ГОТОВ К ВВОДУ.

Он не нажал.

Морр опустил руку к браслету. Рано.

Дариус посмотрел на Арию. Она сделала шаг к резона-

тору, но не вошла в охранный круг. На её лице мелькнула злость на собственное тело, которое услышало чужой приказ раньше разума.

Голоссеть ожила. Под куполом появилась схема гиперузла. Потом протокольные имена.

АРИЯ ТАДРИН. ПРОТОКОЛЬНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ. УРОВЕНЬ СЕРЕБРО.

Свет вокруг букв дрогнул.

Дариус шагнул к ней. Быстро было нельзя, но он оказался ближе Морра.

Резонатор дал первый импульс. Пол едва заметно вздрогнул. Ария сжала ладонь. Она что-то слышала. Дариус понял это по лицу.

— Система? — спросил инженер. — Повторите подтверждение.

— Подтверждение выполняется, — ответила Голоссеть.

На куполе появились чужие знаки. Дариус не знал их, но видел реакцию Морра: тот получил не неожиданность, а подтверждение худшего варианта.

В пластине пришло новое сообщение.

ВВЕСТИ ПРОТОКОЛ. ИЗОЛЯЦИЯ ОБЪЕКТА.

Охрана Совета двинулась к Арии. Его флотские заметили это и сместились наперерез. Пока без оружия. Хорошо.

— Ария, — тихо сказал он.

— Я слышала, — ответила она.

— Что?

Ответить она не успела.

Под куполом вспыхнула строка:

ДОПУСК ТАДРИН НЕ ПОДТВЕРЖДЁН.

Зал зашумел. Дариус смотрел не на купол, а на руки ближайших охранников. Один потянулся к фиксатору парализующего браслета. Дариус перехватил его взглядом.

— Не сейчас.

— Приказ Совета, командор.

— Я сказал: не сейчас.

Офицер замер. Ему не хотелось выбирать между красной печатью и живым командором в двух шагах.

Морр подошёл к Арии.

— Куратор Тадрин, отойдите от экспоната.

— Я не подходила к нему, — сказала она.

— Отойдите.

Дариус встал между ними не полностью, но достаточно.

— Куратор стоит в разрешённой зоне.

— Командор, не мешайте работе Совета.

— Тогда начните работать. У вас древний резонатор активируется посреди полного зала.

Инженер потребовал у Голоссети назвать источник сбоя.

Ответ пришёл через несколько секунд.

— Источник не является сбоем.

Дариус почувствовал, как за спиной у него застыли люди.

Эта фраза была хуже взрыва: система сама сказала, что всё происходит правильно, только никто не знает почему.

Резонатор погас. На одну секунду весь зал ушёл в темноту.

Дариус в темноте шагнул ближе к Арии и положил руку на её плечо. Нужно было знать, где она, если начнут стрелять или снова погасят зал. Она не отстранилась.

Свет вернулся.

На внутреннем стекле кристалла горел знак. Две расходящиеся линии и точка между ними. Под знаком проступали буквы, но Дариус смотрел больше не туда.

Пластина в его кармане раскрылась сама. Последний закрытый файл получил временный доступ. На поверхности появилось изображение.

Старая архивная фотография. Пожарный свет. Эвакуационный коридор. Женщина в тёмном плаще держит на руках ребёнка лет трёх. У ребёнка спутанные светлые волосы, испуганные глаза и маленькая ладонь, прижатая к горлу.

Лицо было детским, худым, измазанным пеплом.

Но это была Ария.

Глава 3. Журналистка на чужом этаже

Лейла считала, что журналисту нужны три навыка: задавать неудобные вопросы, не пугать охрану и не верить табличкам «посторонним вход запрещён». Особенно если табличка новая, блестящая и висит чуть криво.

Её пустили только в пресс-зону. Служебные этажи, архивные контуры и панели были закрыты.

У входа молодой охранник проверил допуск и предупредил:

— Только пресс-зона. Без самодеятельности.

— Обещаю вести себя прилично.

— Что значит «почти»?

— Если увижу пожар, сначала сниму, потом помогу тушить.

— Так нельзя.

— Зато честно.

Он нахмурился, но пропустил. Лейла пошла вдоль галереи с видом человека, который очень уважает ограничения. Этот вид она тренировала годами. Он помогал пройти примерно до первого поворота.

Внизу готовился приём. Чиновники Люмира двигались группами, плавно и с одинаковым выражением лица. Деле-

гаты внешних миров старались не смотреть на кристалл-резонатор в центре зала, но всё равно смотрели. Вейранские наблюдатели не старались вообще. Они смотрели туда, где можно было увидеть будущую выгоду.

Лейла подняла браслет и сделала общий план. Зал, купол, гиперузел за бронестеклом, резонатор, охрана, Ария Тадрин у входной арки. Ария стояла прямо и спокойно. Спокойно для человека, на которого сегодня должны были смотреть все.

На интерфейсе у входа мелькнула помеха. Очень короткая, незаметная. Лейла увеличила кадр и пробормотала:

— Ну здравствуй, маленькая ложь.

К Арии подошёл Дариус Харран. Затем появился Тавен Морр. Вот это было интереснее. Морр редко появлялся рядом с человеком без причины. Он любил подписи, закрытые папки и формулировки, после которых виноватых не найти.

На браслет Лейлы пришло предупреждение: «Зона записи ограничена. Съёмка технических объектов запрещена».

— Конечно, — тихо сказала она. — Вдруг технический объект обидится.

Она опустила браслет, но запись не выключила. Старый браслет был страшный, неудобный и пережил три конфискации. Зато умел делать вид, что не работает.

На служебном плане рядом с лифтом мигала серая зона. В Люмире серый цвет значил: «сюда нельзя, но мы не хотим объяснять почему». Из этой зоны шёл короткий переход

к пресс-архиву, где хранились материалы для сегодняшней трансляции.

Лейлу интересовали не одобренные ответы. Её интересовало, почему две недели назад из открытого реестра исчезли три старые биографии людей, связанных с приёмными линиями после падения Синен. Одна принадлежала женщине по имени Айлинн Лайвис.

Лейла взяла бокал с минеральным настоем у проходящего официанта и пошла к лифту. Бокал был нужен для образа. Человек с бокалом обычно не считается нарушителем. Он считается человеком, который заблудился красиво.

У служебного лифта стоял другой охранник. Не молодой. Опаснее.

— Пресс-зона в другой стороне, — сказал он.

— Я знаю. Я там была.

— Тогда зачем вы здесь?

— Ищу санитарный отсек.

— Он в другой стороне.

— В этом здании всё в другой стороне. Его явно проектировал человек, который ненавидел людей с почками.

Охранник не улыбнулся.

— Ваш допуск.

Лейла протянула браслет. Экран показал честное «ограничен», но через две секунды старый браслет выдал служебную ошибку.

«Проверка медиапула. Временный проход: архивный ко-

ридор».

— У вас странный допуск, — сказал охранник.

— Спасибо. Я над ним работала.

Он открыл створку. Лейла вошла в лифт и только там выдохнула.

Лифт поднялся на архивный этаж. Здесь музыка приёма исчезла. Остался гул вентиляции, сухой запах чистящих составов и ровный свет потолочных линий. Люмир умел делать коридоры, в которых человек сразу хотел признаться, даже если ничего не совершил.

Пресс-архив находился за стеклянной дверью. Лейла приложила браслет. Система подумала, сделала вид, что согласовала её с кем-то важным, и пустила.

В комнате стояли две панели, стойка с медиакопиями, контейнеры для пластинок и стенд с утверждёнными фразами. Лейла сразу заметила последнюю строку: «Кристалл-резонатор является историческим объектом и не участвует в работе узла». Когда объект «не участвует», о нём обычно не пишут отдельную строку.

Она села к панели и подключила браслет. Панель быстро выдала материалы: речь Арии, её биографию, справки по Харрану, Морру и Иксону. В профиле Вейран выглядел благодетелем. Ещё немного, и Консорциум запишут в службу добрых дел с платной подпиской.

Лейла открыла биографию Арии.

Официально всё было гладко. Родилась в приграничной

системе Люмира. Приёмная линия Тадрин. Образование в федеральном доме подготовки. Работа с узловыми мирами. Допуски, награды, благодарности, одна закрытая командировка.

Слишком гладко. Настоящая жизнь всегда оставляет заусенцы: ошибку в дате, старую болезнь, нелепое фото. У Арии Тадрин заусенцев не было. Её биография выглядела так, будто её отшлифовали до блеска и забыли добавить человека.

Лейла запросила ранние медицинские приложения. Отказ.

Запросила приёмную линию Тадрин. Отказ.

Запросила архив детских эвакуаций за шестнадцать лет до нынешнего цикла. Отказ пришёл быстрее, чем она успела моргнуть.

— Ну конечно, — сказала Лейла. — Даже отказ испугался.

Она ввела обходной запрос не по Арии, а по старым пресс-пакетам падения Синен. Панель выдала сорок семь фрагментов. Лейла отсортировала по словам «дети», «Нивендра», «опека», «временная линия». Часть файлов исчезла из списка ещё до открытия. Не была закрыта — исчезла.

За дверью архива щёлкнул замок.

Лейла отключила браслет, но не успела встать. В коридоре послышались голоса: один мягкий и вежливый, второй старше и нервнее.

Она быстро огляделась. Прятаться было негде, если не считать стойки с контейнерами для отработанных пластин. Идеальное место для журналиста в приличном учреждении.

Лейла присела за неё. Колено сразу упёрлось в контейнер. Контейнер тихо пискнул.

— Только не сейчас, родной, — прошептала она.

Дверь открылась.

В комнату вошли двое. Первого Лейла узнала сразу: Солар Иксон. Серебристо-серый костюм, спокойная походка, лицо человека, который никогда не бежит, потому что за него бегут другие. Вторым был архивный куратор Люмира, пожилой чиновник с проваленными щеками.

— Вы обещали закрыть след до демонстрации, — сказал Солар.

— След закрыт.

— Нет. Закрыт — это когда его не видят. Сейчас его могут заметить, если знают, где искать.

— Кто будет искать в день приёма?

— Тот, кто не пришёл пить кислый настой.

Архивный куратор прошёл к панели и приложил ладонь. Солар остался у двери.

— У нас соглашение, — сказал куратор. — Вейран получает доступ к технической оценке резонатора после церемонии. Не раньше.

— Вейран получает только то, что оплатил?

— Вы не покупали архивы падения.

— Мы инвестировали в стабилизацию последствий. Разница юридическая, но приятная.

Куратор резко обернулся.

— Осторожнее, господин Иксон. Здесь не ваш пояс.

— Именно поэтому я говорю тихо.

— Объект не должен активироваться, — сказал куратор.

— Совет уверен, что демонстрация безопасна.

— Совет часто уверен в том, что случилось иначе.

— Вы пришли угрожать?

— Предупредить. Если Голосеть произнесёт лишнее имя, Вейран не будет прикрывать люмирскую версию. Мы не покупаем чужую панику.

— Зато охотно продаёте свою помощь.

— Наша помощь хотя бы имеет цену в договоре. Ваши протоколы стоят дороже, счёт приходит позже.

Панель издала короткий сигнал. Куратор вытащил из неё маленькую архивную пластину и вставил в ручной стиратель. Пластина вспыхнула, погасла и стала пустой.

У Лейлы внутри всё неприятно сжалось. Ей только что уничтожили документ буквально в двух метрах от носа. Это было невежливо.

— Последняя копия? — спросил Солар.

— Последняя открытая.

— Меня не интересуют красивые слова.

— Глубинная копия зашита в закрытый исторический слой. Доступа нет ни у меня, ни у вас.

— У кого есть?

Куратор помолчал.

— У мёртвых.

— Плохой уровень безопасности. Мёртвые иногда бывают разговорчивы.

Солар подошёл к стойке. Лейла замерла. Его ботинки остановились так близко, что она увидела пыль на подошве.

— После церемонии вы передадите нам копию технического лога резонатора, — сказал он.

— Совет не согласует.

— Совет согласует то, что позволит ему пережить вечер.

Солар вышел. Куратор бросил в контейнер обрывки упаковки, выругался беззвучно и тоже ушёл.

Лейла вылезла из-за стойки не сразу. Колено болело, в волосах застряла пластиковая крошка, а хорошее настроение слегка испортилось от близкого знакомства с мебелью.

— Журналистика — это престиж, — сказала она себе.

Она подошла к панели. Архивный куратор стёр открытую копию, но ручной стиратель оставлял след в буферном журнале. Не сам файл, конечно. Только номер, время, маршрут доступа и иногда первые знаки заголовка. Иногда этого хватало, чтобы пойти дальше.

Лейла подключила браслет. Буферный журнал сопротивлялся. Она дала ему старый запрос из серии «служебная проверка медиапакета». Журнал задумался, потом выдал серую строку.

NIV-DET/PR-0...

Дальше было срезано.

Нив. Дет. Протокол.

Лейла сохранила строку и полезла в контейнер. В глубине она нашла обгоревший край архивной пластины. Стиратель сжёг данные, но не до конца. Дешёвый? Нет, люмирский. Торопились. А торопливость — лучшая подруга чужого расследования.

Лейла провела пластиной по считывателю. Панель отказала. Она перевернула обломок и попробовала другой стороной. Появился шум, затем несколько слов.

«...объект Нивендра-дети...»

Сердце у неё толкнулось о рёбра.

Она попробовала вытащить больше. Панель выдала обрывок:

«...распределение по приёмным линиям...»

Ещё один:

«...голосовой след подлежит разделению...»

Потом изображение распалось.

Лейла смотрела на три фразы. Их было мало. Но иногда трёх фраз хватает, чтобы понять: официальная история врёт не в деталях, а целиком.

Отец Лейлы когда-то работал навигатором и погиб при срыве маяка. В отчёте написали: «ошибка экипажа». Позже она нашла данные о перегрузе и приказе идти через нестабильный поток. Отчёт так и не изменили. С тех пор Лейла

плохо переносила гладкие биографии.

Она запросила все упоминания «Нивендра-дети». Архив выдал пустоту. Запрос «NIV-DET» тоже ничего не дал. На фразе «приёмные линии после падения Синен» система задумалась дольше обычного и показала один заблокированный файл.

Доступ запрещён.

В строке владельца файла мигнуло имя: Айлинн Лайвис. Лейла выпрямилась. Вот она. Та самая женщина из исчезнувшей биографии. Считалась погибшей при падении Синен, потом появлялась в старых списках эвакуации, потом снова исчезала. Архивные призраки обычно не имеют владельческих прав на закрытые документы.

Она открыла метаданные. Не сам файл — туда её бы не пустили. Но метаданные выдали больше, чем рассчитывала система.

«Свидетель эвакуации: Айлинн Лайвис. Статус: уничтожить публичную связку».

Лейла тихо присвистнула.

— Вот и здравствуйте, мёртвые разговорчивые.

За дверью снова послышались шаги. На этот раз быстрые. Она закрыла панель, выдернула браслет и схватила обломок пластины.

Она пошла к запасной двери. Та была закрыта. Разумеется. В Люмире всё полезное закрывалось, всё опасное демонстрировалось гостям, а всё скучное получало отдельный

бюджет.

Шаги приближались. Лейла поддела крышку технической панели ключом для картриджей. Лейла не была инженером. За годы работы она выучила одно: не трогай красное и делай вид, что всё так и задумано.

Она выключила сервисный маяк. Дверь не открылась, зато в комнате погас верхний свет.

— Великолепно, Тран. В следующий раз сразу взорви этаж, будет быстрее.

Лейла нажала зелёный контакт. Запасная дверь пискнула и открылась на ладонь. Этого хватило. Она протиснулась боком и оказалась в узком проходе между архивом и техническим рукавом вентиляции.

За спиной открылась основная дверь.

— Кто выключил свет? — спросил незнакомый голос.

— Сбой питания, — ответил второй. — Центральная готовит демонстрацию.

— Проверьте панель.

— После церемонии. Мне за этот приём не доплачивают.

Лейла мысленно благословила всех людей, которым не доплачивают.

Она пошла по техническому рукаву, пригнув голову. Проход вывел к лестнице, лестница — к боковому коридору над нижней галереей. Оттуда доносилась речь Арии. Голос звучал чётко и уверенно.

— ...любой путь держится не только на кольце. Он дер-

жится на доверии тех, кто входит в него.

Неплохая фраза. Хорошая для Совета. Значит, Ария либо переписала речь, либо ещё не поняла, что её собственное доверие где-то продано, спрятано и оформлено.

Лейла попыталась отправить копию в свой внешний сейф. Сеть отказала. На экране появилось предупреждение: «Голоссетевой канал временно ограничен в связи с демонстрацией».

— Конечно, — сказала Лейла. — Когда правда хочет выйти, у вас всегда демонстрация.

Она спрятала обломок в подкладку куртки и пошла вниз. Если её хватятся в архиве, она должна быть на камере среди журналистов, с невинным лицом и плохим напитком в руке.

Когда она вернулась, пухлый корреспондент посмотрел на неё с подозрением.

— Вы куда пропали?

— Искала санитарный отсек.

— Нашли?

— Нашла несколько вещей, которые точно надо смыть.

Он не понял, но кивнул. Внизу инженер Института рассказывал о внешних маяках. Ария стояла у центральной площадки, Дариус — чуть позади, Морр — у протокольной стойки. Солар Иксон смотрел на резонатор как на закрытый сейф, к которому заказали ключ.

Лейла включила запись. Старый браслет сделал вид, что умер. На самом деле начал писать в скрытый слой.

Голоссеть ожила под куполом. Лейла едва слушала. Она смотрела на имя Арии в протокольном списке.

АРИЯ ТАДРИН.

Буквы дрогнули.

— Ого, — тихо сказал пухлый корреспондент. — Это у них в программе?

— Если да, программа стала интереснее.

Свет вокруг имени пошёл рябью. В архиве Лейла видела слова о разделении голосового следа. Сейчас под куполом что-то похожее пыталось решить, кого именно видит перед собой.

На куполе вспыхнули чужие знаки. Потом появилась строка:

ДОПУСК ТАДРИН НЕ ПОДТВЕРЖДЁН.

— Это что значит? — выдохнул корреспондент.

— Это значит, — сказала Лейла, — что кто-то очень давно боялся этого вечера.

Голоссеть потребовали назвать источник сбоя. Ответ прозвучал через несколько секунд:

— Источник не является сбоем.

В зале погас свет. Потом свет вернулся, и на внутренней грани кристалла горел знак. Браслет взял увеличение: две расходящиеся линии и точка между ними.

На скрытом слое записи рядом с изображением сама собой всплыла архивная метка, снятая с обломка пластины:

НИВЕНДРА-ДЕТИ. СВИДЕТЕЛЬ ЭВАКУАЦИИ: АЙ-

ЛИНН ЛАЙВИС.

Система добавила статус из старого реестра:

СЧИТАЛАСЬ ПОГИБШЕЙ.

Лейла сжала браслет так сильно, что край впился в кожу.

Внизу к Арии двигалась охрана, Дариус вставал между ней и

Морром, а вейранские наблюдатели переставали улыбаться.

Для всех остальных вечер только что сломался. Для Лейлы

он стал правдой, которую кто-то закопал близко к свету.

Глава 4. Резонатор Синен

Свет вернулся резко. Ария зажмурилась, но сразу открыла глаза. В зале нельзя было позволить себе даже секунду растерянности.

Кристалл-резонатор стоял в центре, внутри охранного круга. На его чёрной грани горел знак Нивендры: две расходящиеся линии и точка между ними. Под знаком медленно проступали буквы. Не имя Тадрин. Не служебная метка Люмира. Что-то старое, чужое и уверенное.

Ария чувствовала жар в ладони, хотя не касалась кристалла. Жар шёл изнутри, будто кожа вспомнила то, чего не помнил разум.

Дариус стоял рядом. Между ней и Морром появились его рука, плечо и вся флотская привычка не отходить от опасности.

— Куратор Тадрин, отойдите от экспоната, — сказал Морр.

Голос у него оставался ровным. Только глаза выдали тревогу. Не человеческую, а государственную: такую тревогу быстро оформляют в приказ.

— Я не у экспоната, — сказала Ария. — Я в разрешённой зоне.

— Зона меняется.

— По чьему приказу?

Морр не ответил.

В зале зашевелилась охрана. Гости тоже заметили движение.

За бронестеклом гиперкольцо дёрнулось. До этого оно вращалось плавно, торжественно. Теперь свет по кромке пошёл рывками. На дальних доках вспыхнули жёлтые огни.

Инженер Института у центральной панели побледнел.

— Внешний щит просел до восьмидесяти двух, — сказал он в канал. — Повторная проверка.

Голоссеть донесла сразу несколько голосов:

— Док четыре потерял маяк.

— Буксирная пара запрашивает ручной коридор.

— Пассажирский челнок у пятого причала ушёл с линии.

Ария резко повернулась к стеклу. У пятого причала серый челнок медленно разворачивало к рабочей зоне гиперузла.

В окнах пассажирского отсека мигали светлые точки лиц.

— Закройте кольцо полностью, — сказала Ария.

Инженер поднял на неё глаза.

— Идёт демонстрационный цикл.

— Я вижу не демонстрацию. Я вижу челнок у сброса.

— У меня нет полного допуска.

— У кого есть?

Инженер посмотрел на Морра. Вот и ответ.

— Тавен, — сказала Ария. — Там люди.

— Контур безопасности удержит их.

— Он больше не удерживает.

Дариус включил флотский канал.

— Док четыре, это Харран. Перевести челнок на ручной дрейф. Буксиры к пятому причалу. Выполнять без согласования Совета.

В ответ посыпались короткие фразы пилотов. После приказа Дариуса пилоты хотя бы знали, кому подчиняться. В аварии это спасало секунды.

Резонатор стал ярче. Знак Нивендры не исчезал. Наоборот, линии углублялись, словно их выжигали изнутри.

Голосеть заговорила снова:

— Протокольная группа не подтверждена. Требуется стандартная формула допуска.

Инженер схватился за панель.

— Центральная, отменить запрос.

— Требуется стандартная формула допуска, — повторила Голосеть.

На куполе появилась строка:

АРИЯ ТАДРИН. ПОДТВЕРДИТЕ ДОПУСК.

Все ждали простой фразы: произнести имя и подтвердить то, что подтверждалось всю её жизнь. Только теперь простая фраза перестала быть простой.

— Не говори, — тихо сказал Дариус.

Морр услышал.

— Командор, вы не имеете права препятствовать процедуре.

— А вы не имеете права превращать её в ключ от аварий-

ного узла.

Ария посмотрела на Дариуса. Его лицо было жёстким, но в глазах не было приказа. Он не хотел этого выбора для неё, но и не собирался забирать его.

— Если я не скажу, челнок сорвётся, — сказала она.

— Это не доказано.

— Зато видно.

Морр сделал шаг ближе.

— Куратор Тадрин, произнесите стандартную формулу. Чётко. Без отступлений.

— Вы быстро перешли от «отойдите» к «говорите».

— Сейчас важна стабильность узла.

— Сейчас важны люди в доке.

Ария подняла голову к куполу. Голосеть ждала. В её ровном голосе прятался далёкий шёпот.

— Я, Ария Тадрин, подтверждаю протокольный допуск к демонстрационному контуру гиперузла Астрен-Вал.

Фраза ушла в зал, в купол, в стекло, в пол. На миг всё замерло.

Потом Голосеть ответила:

— Допуск не совпадает.

По залу прокатился шум.

Ария почувствовала не страх, а злость. Простую, удобную злость. Ей захотелось спросить у всей этой красивой системы, почему она умеет строить гиперузлы, но не умеет говорить правду.

— С чем именно не совпадает? — спросила она.

Голосеть молчала.

За стеклом челнок дёрнуло. Один буксир сорвался с линии и ушёл в сторону, оставив белую полосу сброса.

— Щит семьдесят один, — крикнул инженер. — Пошла обратная нагрузка на доки.

Пол дрогнул. Несколько гостей потеряли равновесие. Охрана наконец вспомнила, что в зале есть не только Ария, и начала выводить делегации к резервным выходам.

Солар Иксон стоял у вейранской группы неподвижно. Он смотрел на кристалл не как испуганный гость, а как человек, который увидел дорогой механизм без кожуха.

Ария заметила это и запомнила.

Внутри резонатора вспыхнул новый знак. Быстрый, изломанный, похожий на разрез. Ария не знала его, но в голове вдруг прозвучал детский плач.

Она закрыла глаза на миг.

Перед ней мелькнул коридор. Низкий, в дыму. Чьи-то руки прижимали её к груди. На щеке лип пепел. Кто-то шептал: «Не называйте её». Потом всё оборвалось.

Ария открыла глаза.

— Ария? — Дариус смотрел не на кристалл, а на неё.

— Там ребёнок, — сказала она.

— Где?

Она не смогла ответить. Плач был внутри, но не её. Или её, но из жизни, которой у неё не было.

Щит упал до шестидесяти восьми. Челнок развернуло боком. Окна пассажирского отсека мигали аварийным светом.

Ария шагнула к охранному кругу.

Ограничители пискнули.

— Назад, — сказал Морр. — Это приказ.

— Ваши приказы мешают спасти людей.

— Если вы коснётесь резонатора, мы не сможем контролировать последствия.

— Вы и сейчас не можете.

Дариус перехватил её руку.

— Ты не обязана.

— Знаю.

— Ты не знаешь, что он сделает.

— Зато я знаю, что сделает сброс с челноком.

Он не отпустил сразу.

— Тогда не одна, — сказал он.

— Нет. Если это связано со мной, ты только попадёшь под удар.

— Я там.

Ария улыбнулась. Совсем не вовремя.

Она высвободила руку.

— Прикрой людей в зале.

Он понял, что спор окончен.

Ария переступила линию охранного круга. Ограничители вспыхнули красным. Два охранника рванулись к ней, но Дариус резко поднял руку.

— Стоять!

Его голос прошёл по залу жёстче сирены. Охранники замерли.

Кристалл-резонатор стоял в шаге от Арии.

— Неактивен, — пробормотала она. — Безопасен для демонстрации. Прекрасная табличка.

Инженер у панели вытаращился на неё.

— Не трогайте центральную грань! Там может быть остаточный артексилловый заряд.

— Может быть?

— Мы думали, он заглушён.

Ария подняла ладонь. Кожа горела, но боли пока не было. Только сильный жар, будто резонатор держал её.

Детский плач стал ближе. К нему добавился женский шёпот. Ария различила одно слово:

— Тише.

Она коснулась центральной грани.

Боль пришла сразу.

Не обычная боль. Перед глазами мелькнул дымный коридор, синенский знак на руке, детская обувь на полу и лицо женщины совсем близко.

Потом зал вернулся, но не полностью. В нём теперь было два слоя. Один настоящий: гости, охрана, Дариус, Морр, гиперузел за стеклом. Другой чужой: дети в эвакуационном коридоре, глухие удары по дверям, шёпот «не называйте её».

Ария попыталась убрать ладонь. Не смогла. Резонатор

держал.

— Ария! — Дариус шагнул к кругу.

— Не входи!

Голоссеть заговорила больше не нейтрально. В её голосе проступили помехи.

— Живой отклик обнаружен. Контур Синен просыпается.

Слово «Синен» ударило по залу сильнее сирены.

Ария стиснула зубы.

— Мне не нужен ваш контур. Мне нужен аварийный доступ к докам.

Резонатор ответил новой волной боли. Кто-то шёл по коридору и повторял:

— Имя держится, пока его не отдали.

Ария вдохнула рывком.

— Центральная Голоссеть, переведи внешние щиты гиперузла на ручной контур.

— Допуск не совпадает.

— Тогда используй отклик резонатора.

— Отклик не подтверждён именем.

— Да что тебе надо? — выдохнула она.

Детский плач оборвался. На миг Ария услышала только своё сердце и далёкий треск перегруженного гиперкольца.

Потом в голове прозвучал тихий женский голос:

«Не отдавай имя приказу».

Ария перестала давить на систему как куратор Люмира. Перестала требовать и подтверждать. Она посмотрела через

стекло на челнок и сказала:

— Я не знаю, какое имя ты хочешь услышать. Но там люди. Открой контур для них. Не для Совета. Не для меня. Для них.

Кристалл дрогнул под ладонью.

На куполе вспыхнули древние знаки. Они сложились в схему доков. Голоссеть заговорила ниже:

— Условие принято частично. Ручной контур открыт на двадцать семь секунд.

Дариус сразу отдал приказ:

— Док четыре, контур открыт. Буксиры — к челноку. Пятый причал — закрыть сброс. Маяки — в аварийную связку.

За стеклом два буксира пошли к челноку. Один качнуло, но он удержался. Второй дал магнитный захват. Челнок дёрнулся, боковые огни мигнули. Его начало уводить от рабочей зоны.

— Щит шестьдесят два, — крикнул инженер. — Нагрузка падает... нет, растёт на внутреннем кольце. Кто-то вмешивается в контур!

Ария почувствовала, как резонатор изменился.

Внутри красного света появилась чёрная линия. Она резала знак Нивендры поперёк, как чужая подпись на чужом письме.

— Это не резонатор, — сказала Ария. — Кто-то подключился снаружи.

Морр резко повернулся к техникам.

— Найти источник.

Солар Иксон у вейранской группы впервые изменился в лице. Не испугался. Узнал.

Боль в ладони усилилась. Чёрная линия поползла вверх. В доках буксиры отвели челнок, но сбой перекинулся на корабли сопровождения. Один флагманский буксир потерял ориентацию и начал вращаться.

Внутренний щит ударил по залу обратной волной. Купол осыпался искрами проекций. Люди побежали к выходам.

— Выводите зал, — приказал Дариус охране. — Не к главному коридору. Через боковые шлюзы.

— Приказ Совета...

— Совет потом напишет отчёт. Сейчас выводите людей.

Делегатов повели к боковым аркам. Журналисты сопротивлялись, особенно на нижней галерее. Лейла Тран точно снимала даже на бегу. Ария успела подумать, что эта женщина или безумна, или полезна. Возможно, и то и другое.

Голоссеть сказала:

— Внешний контур заражён. Неавторизованный канал. Источник скрыт.

— Отключи его, — сказала Ария.

— Требуется подтверждённый ключ.

— У нас нет ключа.

— Отклик носителя достаточен для аварийного отсечения.

— Что нужно сделать?

Ответ пришёл не словами. Резонатор показал ей чувство: нужно пропустить через себя часть перегрузки, как через живой проводник.

Тело сразу возразило. Сердце ударило часто. На языке появился вкус металла.

— Нет, — сказал Дариус. Он понял по её лицу. — Даже не думай.

— Поздно.

— Ария.

— Там корабли.

— А здесь ты.

Она посмотрела на него через красный свет. Ей захотелось отступить. Впервые за вечер захотелось не быть полезной, не быть собранной, не заслуживать место в системе.

Но за стеклом флагманский буксир крутило всё быстрее. Если он сорвётся, осколки пойдут по докам.

Ария прижала ладонь сильнее.

— Делай, — сказала она резонатору.

Мир сузился до красного света.

Боль ударила в плечо, шею, висок. Не огнём, а чужими именами. Они проходили через неё, как поток через узкое горло. Детский плач вернулся, и женский голос повторил:

«Если назовёте, они найдут».

Колени подогнулись. Дариус пересёк охранный круг, несмотря на предупреждающий вой, и подхватил её свободной рукой.

— Я сказала не входить, — прохрипела она.

— Услышал. Не выполнил.

— Дисциплина падает.

— Напишешь жалобу, когда перестанешь светиться.

Она бы рассмеялась, если бы могла нормально дышать.

Резонатор вспыхнул. Чёрная линия внутри кристалла треснула и распалась на мелкие точки. Голоссеть вскрикнула помехами. Снаружи флагманский буксир резко выровнялся. Внешний щит поднялся до семидесяти трёх, потом до семидесяти восьми. Сброс в рабочей зоне погас.

Пассажирский челнок увели к безопасному причалу.

Зал ещё дрожал, но авария отпускала. В зале всё ещё мигали аварийные линии, и каждый новый сигнал делал людей тише, а не громче.

Ария смогла оторвать руку от кристалла. На ладони не было ожога. Только белый след в форме непонятной схемы.

— Ария, смотри на меня, — сказал Дариус.

Она моргнула. Зал вернулся: люди, охрана, Морр, дымящиеся панели и помехи на куполе.

— Я здесь, — сказала она.

— Не уверен.

— Я тоже.

Морр подошёл к кругу.

— Куратор Тадрин, вы должны немедленно пройти медицинскую и протокольную изоляцию.

Дариус даже не повернулся к нему.

— Она только что спасла доки.

— Именно поэтому.

— Странная благодарность.

— Командор Харран, отойдите.

— Нет.

Ария подняла руку, чтобы самой не упасть.

— Хватит, — сказала она. — Все живы. Теперь кто-нибудь объяснит, почему музейный экспонат справился лучше вашего Совета?

Никто не ответил.

Солар Иксон медленно опустил браслет. Он успел что-то записать. Лейла Тран на галерее тоже записывала.

Голоссеть включилась сама. Без запроса инженера, без команды Морра, без согласования с протокольной стойкой.

Под куполом снова появилась схема гиперузла. Затем схема погасла. Остался голос.

— Нивендра подтверждает живой отклик.

Морр побледнел.

— Отключить Голоссеть. Немедленно.

Техники бросились к панелям. Но Голоссеть говорила дальше.

— Нивендра признаёт...

Дариус крепче держал Арию за руку. Резонатор в центре зала дал последний тихий импульс. На внутреннем стекле кристалла знак Нивендры вспыхнул чисто, без помех и чужих линий.

Голоссеть произнесла на весь зал:

— Нивендра признаёт Арию Целестину Синен.

Ария смотрела на кристалл и не сразу поняла, почему все снова повернулись к ней.

Глава 5. Имя, сказанное сетью

Сайра Рут услышала имя Арии раньше, чем зал успел испугаться по-настоящему. Голоссеть произнесла его ровно, без торжества и без жалости, но в этом спокойствии было что-то холоднее крика.

— Нивендра признаёт Арию Целестину Синен.

В командной нише над боковой аркой на секунду стало тихо. Офицеры охраны смотрели на Сайру. Техники смотрели на свои панели. Даже Тавен Морр, который обычно умел сохранять лицо при любой катастрофе, застыл у центральной стойки и не сразу поднял руку к браслету.

Сайра подняла свою.

— Протокол сдерживания, красный уровень. Зал закрыть, делегации вывести, прессу отсечь от сети. Арию Тадрин изолировать.

Слова вышли ровно и правильно. Именно так они должны были прозвучать. Такие слова не дрожат и не спрашивают, почему внутри всё сжалось, когда система назвала знакомого человека чужим именем.

— Подтвердить боевое разрешение? — спросил офицер Кайр, начальник внутреннего звена.

— Без летального огня, — сказала она. — Пока.

Слово «пока» прозвучало лишним. Она сама это услышала.

На главном экране Зала Голосов Ария стояла возле резонатора. Дариус Харран держал её за руку. Близко. Явно. Сайра заставила себя смотреть не на их руки, а на схему угроз.

Резонатор светился чистым знаком Нивендры. В доках ещё мигали аварийные огни, но челнок увели. Люди в зале были живы. Ария только что спасла их, и это осложняло дело так же неприятно, как прямой приказ.

Спасительницу сложнее назвать угрозой. Но легче сделать символом, а символы всегда опаснее людей.

— Совет требует немедленной передачи объекта под контроль Морра, — сообщил связист.

— Совет далеко, — ответила Сайра. — Морр в зале, и он потерял управление. Командование беру я.

Офицеры задвигались быстрее. На экранах боковые выходы стали зелёными, основные коридоры — красными. Сайра закрыла центральную арку, чтобы толпа не хлынула в доки. Потом закрыла пресс-галерею. Не из злости к журналистам. Если дать им открытый канал, через три минуты вся Дуга будет знать не то, что произошло, а то, что успели испугаться люди.

— Что с внешним контуром?

— Щит стабилизируется. Семьдесят девять процентов. Есть остаточные скачки на внутреннем кольце. Резонатор не отключается.

— Источник вмешательства?

— Не найден. Лог рваный. Часть сигнала пришла через

служебный канал демонстрации.

Служебный канал. Тот самый, который Морр добавил утром. В плохих делах всегда находился кто-то, кто торопился и называл это эффективностью.

На экране Ария повернулась к Морру. Голоса с зала шли с помехами, но фраза прошла ясно:

— Теперь кто-нибудь объяснит, почему музейный экспонат открыл аварийный контур лучше, чем ваш Совет?

В командной нише кто-то тихо фыркнул. Сайра не повернулась.

— Офицер Ден, если вам весело, выйдите и посмейтесь под резонатором.

— Виноват, адмирал.

Сайра смотрела на Арию. Даже после перегрузки та держалась прямо. Бледная, с белым следом на ладони, но не сломанная. Такая же. Нет, не такая. В ней появилась новая пустота, как в двери, за которой вдруг обнаружился коридор.

Когда-то Ария умела спрашивать так, что человек сам начинал сомневаться в своём приказе. Сайра помнила это хорошо. Они работали вместе после аварии в Салльском узле, когда Совет хотел скрыть данные о погибших буксирах. Ария тогда три дня не спала и заставила комиссию признать ошибку маршрута. Сайра уважала её за это. Потом злилась за то же самое.

Потому что Ария могла позволить себе сомнение. А Сайра привыкла платить за порядок подписью.

— Адмирал, Морр запрашивает ваш вход в зал.

— Он не запрашивает. Он требует. Откройте мне нижний проход.

Она вышла из командной ниши через боковой шлюз. За дверью пахло перегретым пластиком и пылью из аварийных фильтров. Коридор был заполнен людьми: делегаты, охрана, двое медиков, растерянный чиновник с обрывком праздничной ленты на рукаве. Лента выглядела так глупо, что Сайра пожалела беднягу.

— Все к боковому сектору, — приказала она. — Без остановок. Браслеты держать открытыми. Кто снимает — тот сдаёт устройство.

— У меня дипломатический иммунитет, — возмутился толстый представитель одного из узловых миров.

— У вас есть ноги. Идите.

Охранник рядом кашлянул, чтобы спрятать улыбку. Сайра бросила на него короткий взгляд.

На входе в зал её встретил Морр.

— Адмирал Рут, объект должен быть передан Совету.

— Объект сейчас стоит на ногах после артексировой перегрузки и спасения доков. Если вы попытаете взять её грубо, половина зала увидит, как Совет благодарит человека наручниками.

— Она названа Синен.

— Я слышала.

— Вы понимаете последствия?

Сайра посмотрела на него. Морр считал последствия колонкой в отчёте. Удобная порода людей, пока они не начинают двигать живых.

— Последствия начались до этого вечера. И кто-то очень хотел, чтобы мы увидели только финал.

— Не время для ваших личных выводов.

— Моих личных выводов здесь нет. Пока.

Она прошла мимо него в зал.

Зал Голосов больше не был залом приёма. Боковые линии мигали аварийным синим. По полу шли следы разбитых бокалов. На центральной площадке стояли Ария, Дариус, несколько охранников Совета и инженер Института, которому, похоже, хотелось стать маленькой деталью и спрятаться в панели.

Резонатор больше не бил светом, но знак Нивендры оставался на грани. Он светился чисто, без помех. В этом ровном свете Сайра и видела главную угрозу. Не взрыв, не аварию, не панику. Подтверждение.

Дариус первым заметил её.

— Сайра.

— Командор Харран. Отойдите от Арии.

— Нет.

Он даже не сделал паузы. Будто ответ был готов давно.

— Это приказ адмирала узлового флота.

— Я не в вашей цепи командования по внутренней охране Совета.

— Тогда считайте это попыткой не дать вам совершить глупость.

Дариус посмотрел на неё тем спокойным взглядом, который обычно доставался вражеским капитанам перед плохой новостью.

— Глупость написали шестнадцать лет назад. Я её видел.

Сайра не показала, что фраза попала точно. Значит, он открыл старый слой. Не весь, но достаточно.

Ария перевела взгляд с него на неё.

— Шестнадцать лет назад?

Трещина пошла не там, где планировали. Сайра не хотела, чтобы Ария услышала это в зале, под камерами, сразу после имени Синен.

— Сейчас не место для объяснений, — сказала Сайра.

— Сегодня все очень любят фразу «сейчас не время», — ответила Ария. — Видимо, правда у нас работает по расписанию.

— Ария, вы должны пройти изоляцию.

— Я должна сесть в комнату без окон, пока вы решите, какое имя мне оставить?

— Вы должны пройти обследование. Резонатор откликнулся на вас, Голосеть назвала имя Синен, внешний контур атакован. Для Совета этого достаточно.

— А спасённый челнок входит в список факторов?

— Входит. Как доказательство, что вы можете управлять тем, что никто не понимает.

Ария замолчала. Это было честнее, чем любые протокольные формулы. Сайра видела, что фраза дошла. Не как обвинение, а как страх.

И вдруг резонатор щёлкнул.

Очень тихо. Сухой звук, будто внутри кристалла лопнула ледяная игла.

Сайра резко повернулась.

— Все отойти от резонатора.

Никто не успел.

Со стороны верхней технической галереи вспыхнула белая точка. Не лучевой залп по людям. Не выстрел в Арию. Точка ударила прямо в грань кристалла, туда, где горел знак Нивендры.

Резонатор вспыхнул красным.

Сайра не думала. Она ударила Арии в плечо и сбила её на пол, одновременно крикнув:

— Лечь!

Дариус успел закрыть Арию с другой стороны. Странно, но на этот раз они сработали вместе. Как раньше, до всего, что стало личным.

Взрыв не пришёл. Пришла волна.

Красный свет хлестнул по залу, прошёл через стены, купол, людей. У Сайры на секунду исчез звук. Потом в голове поднялся чужой шум: обрывки голосов, детский плач, короткий приказ «не называйте», треск старого канала. Она стиснула зубы так сильно, что заболела челюсть.

Резонатор пытались не разбить. Его пытались перегрузить. Если бы кристалл ушёл в полный срыв, он выбросил бы в открытую Голоссеть всё, что держал внутри. И свидетелей стало бы много, чтобы их контролировать.

— Стрелок на верхней галерее! — крикнул кто-то.

Сайра поднялась на одно колено.

— Живым взять.

Два её бойца рванули к лестнице. Дариус вытащил оружие, но не стрелял: между площадкой и галереей бежали последние гости.

Ария пыталась встать.

— Лежать, — резко сказала Сайра.

— Не командуйте мной.

— Сейчас буду. Потом напишете жалобу.

— У вас с Дариусом один учебник?

— Хуже. Один флот.

Ария всё же осталась на полу. Бледная, злая, но соображающая. Это Сайре нравилось и мешало одновременно.

Резонатор продолжал светиться. Красный свет внутри бился, как сердце, которому вставили чужой ритм. На панели инженера заплясали предупреждения.

— Перегрузка растёт, — сказал инженер. — Если знак сорвётся, будет обратный удар по Голоссети.

— Отключить.

— Не могу. После выстрела кристалл закрыл внешний доступ.

Сайра посмотрела на Арию. Та тоже услышала. И поняла, что от неё снова чего-то ждут.

— Нет, — сказала Сайра раньше Дариуса. — К резонатору она не подходит.

Ария удивлённо взглянула на неё.

— Это забота?

— Это сдерживание. Разница есть, не обольщайтесь.

Дариус поднял бровь.

— Сейчас не время для ваших чудесных отношений.

— Молчите, Харран.

Сверху донёсся короткий бой. Удар, выстрел, ещё удар. Затем по связи пришёл голос Кайра:

— Стрелок ранен. Берём. Форма Люмира. Идентификатор внутренней охраны.

Зал на секунду будто провалился в новое молчание.

Форма Люмира.

Морр побледнел ещё сильнее, чем после имени Синен.

— Это невозможно, — сказал он.

— Какое удобное слово, — бросил Дариус.

Сайра подняла руку, требуя тишины.

— Кайр, идентификатор на общий закрытый канал. Оружие?

— Компактный импульсный резак. Военный образец, но номер сбит. Командный сигнал получен за четыре секунды до выстрела.

— Откуда сигнал?

Пауза. Сайра услышала в этой паузе весь будущий отчёт и все попытки замять.

— Канал маскирован под люмирский служебный, — сказал Кайр. — Но подпись не наша.

— Чья?

— Нужно время.

Резонатор снова щёлкнул. По грани пошла трещина света, не физическая, а внутренняя. Ария зажмурилась, как от удара. Сайра заметила это первой.

— Вы чувствуете кристалл?

— Я не заказывала такую возможность, если вы об этом.

— Отвечайте.

— Да. Он... не сломан. Его заставляют кричать.

Сайра кивнула инженеру.

— Слышали? Работайте с этим.

Инженер открыл рот, закрыл и полез в панель.

Сайра подошла к Арии ближе. Дариус напрягся.

— Не надо так смотреть, Харран. Если бы я хотела её застрелить, выбрала бы момент до вашего героического обнищания на полу.

— Успокоили.

— Я не для этого.

Она присела перед Арией, не убирая оружие, но и не направляя его на неё.

— Слушайте внимательно. Резонатор атаковали. Если он сорвётся, пострадают доки и свидетели. Запись имени может

уйти в открытую сеть. Кому-то нужен хаос.

— А вам выгодна тишина, — сказала Ария.

— Да.

Ария посмотрела на неё прямо. После всего, что произошло, взгляд у неё был усталый, но больше не прежний.

— Спасибо за честность.

— Не благодарите. Тишина тоже может спасти.

— Или воровать имена.

Сайра не ответила.

На верхней галерее бойцы вывели стрелка. Он был в форме внутренней охраны Люмира. Лицо закрыто ударным шлемом, левый рукав прожжён. Один из бойцов держал его за ворот, второй — за запястье с оружейным фиксатором.

Сайра поднялась.

— Снять шлем.

Шлем щёлкнул и раскрылся. Под ним оказалось молодое лицо, мальчишеское. Сайра не знала его.

— Имя, звание, чей приказ?

Стрелок молчал. Глаза у него были расширены, но не от страха. От пустоты.

— Медик, — сказала Сайра.

Медик приложил сканер к шее стрелка.

— У него генный блок. Свежая активация. Память горит.

— Симбионт-молчальник? — спросил Дариус.

— Похоже.

Стрелок вдруг посмотрел на Арию. Губы у него дрогнули.

— Имя... не должно...

Он закашлялся. По подбородку потекла кровь. Медик попытался ввести стабилизатор, но стрелок дёрнулся и осел в руках бойцов.

— Живой? — спросила Сайра.

— Пока да. Но память уходит.

— Зафиксировать всё. Не в общую сеть. Лично мне и командору Харрану.

Морр вмешался:

— Материалы по стрелку должны быть переданы Совету.

Сайра повернулась к нему.

— Будут. После первичного боевого протокола.

— Адмирал, вы превышаете полномочия.

— Отлично. Запишите это рядом с тем, что стрелок в форме Люмира только что попытался устроить срыв древнего резонатора перед тремя сотнями свидетелей.

Морр замолчал.

Резонатор начал успокаиваться. Красный свет стал ниже.

Инженер вытер лоб рукавом и сообщил:

— Перегрузка падает. Внешний канал отсечён. Не мной,

— добавил он быстро. — Сам кристалл закрыл.

— Сам?

— Через отклик Арии Тадрин. Или... — он запнулся.

— Договаривайте.

— Или через тот доступ, который Голоссеть назвала Си-нен.

Слова снова легли на зал тяжело. Ария встала. Дариус поддержал её, но она вскоре убрала руку. Сайра заметила: не из гордости, а потому что не хотела выглядеть слабой перед теми, кто примерял на неё наручники, титул или пулю.

— Вот теперь, — сказала Сайра, — вы идёте со мной.

— Куда?

— В изолированный сектор.

— Без суда?

— Сейчас это не суд. Это защита.

— Чья?

— Ваша. Зала. Узла. Дуги. Выберите, что звучит приятнее.

Ария усмехнулась. Устало, с болью.

— Ничего не звучит приятно.

— Тогда выберите то, что звучит правдиво: пока мы не поймём, кто приказал стрелять по резонатору, каждый шаг рядом с вами может стать поводом для второго выстрела.

— Она не пойдёт одна, — сказал Дариус.

— Вы предсказуемы.

— Зато полезен в коридорах, где стреляют.

Сайра посмотрела на него. Потом на Арию. Формально она могла приказать оттеснить Дариуса. Практически получила бы драку в центре зала. А ещё знала: пока он рядом, Ария не сорвётся и не сделает то, чего не понимает сама.

— Пойдёте оба, — сказала Сайра. — Под моей охраной.

— Под вашим арестом, — уточнила Ария.

— Под моим контролем.

— Разница опять есть?

— Сегодня все цепляются к словам.

— Потому что слова начали цепляться к нам.

Они пошли к боковому выходу. Охрана выстроилась коридором. Журналисты с нижней галереи пытались прорваться ближе, но бойцы держали их. Лейла Тран всё-таки успела крикнуть:

— Ария! Вы знали имя Синен до сегодняшнего дня?

Дариус хотел ответить резко, но Ария остановилась.

Сайра напряглась.

— Не отвечайте.

Ария повернула голову к галерее.

— Нет, — сказала она. — И, кажется, я не единственная.

Это слышали многие. Достаточно многие, чтобы фраза начала жить отдельно от приказов.

Сайра дала знак охране двигаться быстрее.

В боковом коридоре стало тише. За дверью Зал Голосов шумел, как повреждённый механизм. Сайра получила новый пакет данных от Кайра. На ходу открыла запись с верхней галереи.

Кадр был нечёткий, но достаточный. Стрелок поднимает руку. Форма Люмира. Служебный допуск. Перед выстрелом его браслет вспыхивает коротким сигналом. Система увеличила метку.

Сайра остановилась так резко, что Дариус едва не врезал-

ся в неё.

— Что? — спросил он.

Она не ответила сразу. Увеличила метку ещё раз.

Командный сигнал шёл через маскированный люмирский канал. Но в подписи была чужая петля, знакомая по закрытым военным сводкам.

Сайра закрыла файл и подняла глаза на Арию.

Теперь всё стало хуже и яснее одновременно. Стрелок носил форму Люмира. Но приказ пришёл не из Люмира.

Глава 6. Окно в доке семнадцать

Ария поняла, что её больше не ведут к изоляционному сектору, когда коридор повернул не туда.

До этого всё выглядело законно. Сайра Рут шла впереди, два бойца держали боковые проходы, Дариус держался рядом с Арией. Не за руку, но так близко, что любой охранник сначала встречал его плечо и только потом видел её лицо. За спиной шумел Зал Голосов: гостей выводили, техники спорили, Морр отдавал приказы, которые опоздали.

Ария старалась не смотреть на ладонь. Белый след на коже то проступал ярче, то исчезал. Если сжать пальцы, в памяти поднимался дымный коридор и детский плач. Если разжать, возвращались световые линии пола, люди в форме и злость.

— Изолированный сектор в другой стороне, — сказала она.

Дариус не повернул головы.

— Знаю.

— Это у вас новая форма сопровождения под арест? Сначала не объяснять, потом вести не туда?

— Отличная форма. Работает лучше старой.

— Дариус.

— Тихо.

Он сказал это не резко, а так, как на мостике перед ударом по щиту. Ария замолчала. В конце коридора мигала таблич-

ка: «Технический рукав. Допуск персонала». Сайра дошла до поворота, но остановилась, принимая сообщение на браслет. Её бойцы тоже остановились.

Дариус выбрал бегство.

Он шагнул влево, приложил к стене флотский жетон, открыл узкую сервисную дверь и толкнул Арию внутрь.

— Эй!

— Потом поругаешься.

— Я начала.

Дверь закрылась. Снаружи кто-то крикнул. Голос Сайры отрезал остальные шумы:

— Харран!

Дариус ударил по внутренней панели. Замок щёлкнул, потом на экране вспыхнуло красное: «Доступ отозван».

— Быстро они, — сказал он.

— Кто именно?

— Все.

Он вытащил аварийный штифт, сломал его пополам и вставил половину в замок. Панель закашлялась искрами и погасла.

— Ты только что испортил федеральную дверь.

— Подам заявление на компенсацию.

— Ты выводíš меня из-под охраны Сайры.

— Да.

— Это похищение?

— Спасение. Но если принципиально, можем назвать по-

хищением. В отчёте будет бодрее.

Она хотела сказать, что не просила её спасать. Но это было бы неправдой. Она верила ему, и именно это злило сильнее всего.

Сервисный коридор был низким, с открытыми кабельными лотками и запахом горячего металла. Вместо мягкого света приёма здесь тянулись аварийные полосы. Впереди неровно гудел доковый сектор.

— Куда мы идём? — спросила Ария.

— Док семнадцать.

— Там ремонтная зона.

— Именно поэтому туда не поставили полную охрану.

— А ещё там после сбоя может быть разгерметизация.

— Не полная.

— Утешил.

Они шли быстро, но не бежали. Каждый шаг отдавался в ладони слабым жаром, словно белый след под кожей считал расстояние до чего-то знакомого.

За первой развилкой включился голос внутренней системы:

— Нарушение маршрута. Командор Харран, вернитесь в сопровождаемый коридор. Объект Ария Тадрин подлежит контролируемой изоляции.

Ария остановилась.

— Объект?

— Не слушай.

Система повторила ту же фразу. Дариус схватил её за запястье и потянул дальше.

— Спорить с коридором будешь позже.

— Я не спорю. Я собираю список обид.

— Начни с меня. Удобно, я рядом.

Они миновали технический узел с пустыми ремонтными капсулами. Под ногами хрустнуло стекло: обратная волна дошла и сюда.

— Там кто-то остался? — спросила она.

— Двое техников, один пилот и старый челнок на аварийных фиксаторах.

— Старый?

— Летает. Иногда это главное.

Дариус на секунду оглянулся. В его взгляде мелькнула вина, и Ария сразу пожалела, что ударила точно.

— Я не знал про имя, — сказал он.

— Но знал про приказ.

Он не ответил. Молчание оставляло меньше пространства для оправданий.

В коридоре мигал красный свет. Позади слышались шаги охраны. Ария остановилась: дальше нельзя было идти, пока они не поговорят.

— Сколько ты знал?

Дариус тоже остановился.

— Пакет пришёл перед демонстрацией. В нём был приказ: если резонатор активируется, тебя изолируют без суда.

— И ты решил сказать потом?

— Я решил проверить.

— Проверил?

— Дата протокола — шестнадцать лет назад.

Ария почувствовала холод в груди. Шестнадцать лет. Не ошибка вечера, не паника Совета, а клетка, поставленная заранее.

— Харран! — голос Сайры прошёл через служебный динамик. — Остановитесь. Вы ухудшаете ситуацию.

Дариус посмотрел на Арию.

— Решай быстро. Со мной — незаконно и опасно. Назад — тебя заберёт Совет, и второй раз я могу не успеть.

Ария посмотрела на свою ладонь. Белый след не давал ответа. Только напоминал: её тело однажды знало то, чего не знала она.

— Идём, — сказала она. — Но если ты ещё раз решишь за меня, я сама сдам тебя Сайре.

— Принято.

— Без радости в голосе.

— Я глубоко страдаю.

Они снова пошли. Коридор сузился, потом резко спустился вниз. Давление изменилось, в ушах щёлкнуло. Система вентиляции работала с перебоями. На повороте их встретила закрытая решётка.

Дариус приложил жетон. Отказ.

— Доступ отозван, — сообщила система. — Оставайтесь

на месте до прибытия группы сдерживания.

— Какая заботливая, — сказала Ария.

Дариус открыл аварийный люк сбоку. Внутри шла узкая шахта обслуживания. Он первым протиснулся внутрь, затем помог Арии. Лестница была мокрой, металл скользил под пальцами.

— Объект Ария Тадрин. Остановитесь. Дальнейшее движение повышает уровень угрозы, — сообщил потолок.

— Уровень моей злости тоже повышает, — пробормотала она.

— Система не оценивает личные чувства.

— Вот поэтому у системы мало друзей.

Дариус коротко хмыкнул. Этот звук оказался странно живым среди аварийного гула.

Нижний ярус пах доком: горелой изоляцией, смазкой и холодным воздухом из внешних шлюзов. Впереди открылся коридор с окнами на ремонтный отсек. За стеклом висел старый угловатый челнок с ободранным бортом.

На борту горела метка: Д-17/Курьер «Лисса».

Челнок держали четыре аварийных фиксатора. Один искрил, второй работал рывками. Щит вокруг дока светился пятнами. Возле посадочного рукава двое техников пытались подключить внешний кабель.

— Это наш корабль? — спросила Ария.

— Да.

— Он выглядит хуже моего положения.

— Зато у него нет красной печати Совета.

— Пока.

Дариус открыл связь с доком.

— Пилот, статус.

На канале зашипело, потом ответил женский голос:

— Если это проверка безопасности, передайте ей, что она опоздала и пусть встанет в очередь.

— Это Харран.

— О. Тогда плохие новости можно сразу?

— Давайте.

— Гравимотор жив, но обижен. Правый щит рвётся. Фиксаторы держат на честном слове и старой краске. Взлететь можем, если док откроет внешний шлюз.

— Док откроет?

— Док говорит, что у нас нет кода. Док сегодня разговорчивый, но бесполезный.

Ария взяла канал.

— Это Ария Тадрин. Сколько людей в доке?

Пауза была короткой.

— Двое техников и я. Ещё один раненый на нижней платформе, застрял за грузовой балкой.

— Почему его не вывели?

— Потому что внешний щит проседает, а грузовая балка весит как совесть Совета.

Ария посмотрела на Дариуса.

— Мы не улетим без него.

— Знаю.

— Ты чересчур быстро согласился.

— Я учусь.

Сзади хлопнула дверь. По коридору пошёл свет фонарей.

— Командор Харран! Остановитесь! — крикнул офицер.

— Приказ адмирала Рут.

Дариус прижал Арию к стене, но она смотрела в док.

— Открой внутренний шлюз, — сказала она.

— Без кода не откроется.

— Ты же собирался похищать меня через док. Неужели не взял код?

— План был украсть тебя, а не весь док.

Охрана приближалась. Первый предупредительный импульс ударил в стену над ними и рассыпался синими искрами.

— Лечь! — крикнул Дариус и ответил коротким выстрелом в пол перед охраной.

Ария пригнулась. На ладони вспыхнул белый след, и она увидела его отражение в стекле. Резонатора рядом не было, но отклик остался. Он тянулся к шлюзу.

Ария поднялась.

— Не сейчас, — сказал Дариус.

— Сейчас.

— Там закрытый контур.

— Я чувствую.

— Вот это меня и беспокоит.

Она подошла к панели внутреннего шлюза. На экране горело: «Код доступа отозван. Ожидайте группу сдерживания».

Ария приложила ладонь к стеклу панели.

Ничего не произошло.

— Отлично, — сказала она. — Видимо, во второй раз чудо не работает. Очень практично с его стороны.

Охрана снова выстрелила. Один импульс попал в трубу над коридором, и вниз ударил белый пар. Дариус оттеснил Арию плечом.

— У тебя есть идея или только сарказм?

— Сарказм был первым этапом.

Она снова приложила ладонь. Теперь не давила на панель и не называла себя. Вспомнила челнок у сброса, раненого на нижней платформе и пилота с усталым голосом. Не для Совета. Для них.

Белый след на ладони стал горячим.

Панель мигнула.

— Живой отклик не зарегистрирован, — сказала система.

— Зарегистрирован, — упрямо ответила Ария.

— Код отсутствует.

— Тогда открой без кода.

— Невозможно.

— Сегодня это слово устало.

В голове прошёл тот же женский шёпот, что у резонатора: «Не отдавай имя приказу».

Ария закрыла глаза на миг. В груди поднялся жар, но слабее, чем в Зале Голосов. Теперь он не бил, а искал путь. Под ладонью панель стала тёплой.

— Открывай, — сказала она тихо. — Я не приказываю. Я прошу.

Шлюз щёлкнул.

Дариус замер.

— Ты открыла федеральный док просьбой?

— Похоже, он воспитан лучше Совета.

Внутренняя дверь поползла в сторону. В коридор ударил холодный воздух. Система тут же завывала:

— Несанкционированное открытие. Давление падает. Закрыть проход.

— Всем в док! — крикнул Дариус в канал. — Раненого вывести. Быстро!

Они вбежали в доковый рукав. Пол вибрировал. Щит справа рвался пятнами. За ним была чёрная пустота ремонтного кармана и слабое сияние гиперузла. Один фиксатор «Лиссы» окончательно сдался и отлетел в сторону.

Пилот выругалась в общий канал.

— Я люблю драматичный выход, но не настолько.

— Держите гравимотор, — сказал Дариус.

— Я его держу лаской, угрозами и ногой под панелью.

Двое техников тащили раненого с нижней платформы. Грузовая балка застряла поперёк прохода. Ария подбежала к ним. Раненый был в сознании.

— Ногу не чувствую, — сказал он.

— Зато язык работает, — ответил один техник. — Значит, жить будешь, чтобы нас всех раздражать.

— Обещаю.

Дариус помог поднять балку домкратом. Ария подставила плечо под раненого. Белый след на ладони снова вспыхнул. Она едва не выронила человека, но удержала.

— Вам плохо? — спросил раненый.

— Нет.

— Врёте плохо.

— Зато несу хорошо.

— Тогда годится.

Охрана вошла в доковый рукав. Импульсы ударили по стене рядом с челноком. Один техник вскрикнул и пригнулся.

— Харран, остановитесь! — крикнул офицер. — Адмирал Рут приказала взять объект живым.

— Передайте адмиралу, что объект занят спасением её же персонала, — ответил Дариус.

— Она сказала, вы так ответите.

— Значит, скучает.

Офицер дал знак бойцам обойти через верхний мостик. Дариус выстрелил в крепление мостика, не по людям, а в механизм. Мостик дёрнулся и застыл.

— На борт! — приказал он.

Пилот открыла посадочный люк. Внутри «Лиссы» свет мигал, но воздух держался. Техники занесли раненого. Ария

шагнула следом, но услышала треск справа.

Второй фиксатор челнока заклинило. Если «Лисса» даст ход, её развернёт и ударит о стену дока.

— Фиксатор два, — сказала Ария. — Он не отпустит.

Пилот отозвалась сразу:

— Вижу. Ручного доступа нет. Нужно открытие внешнего шлюза и сброс фиксатора из доковой панели.

— Где панель?

Дариус понял.

— Нет.

— Мне нравится, как уверенно ты отвечаешь на вопросы, которые я ещё не закончила.

— Панель снаружи, у стекла.

— Значит, я успею.

— Охрана у нас за спиной, давление падает, а ты после резонатора едва стоишь.

— Зато у меня сегодня хороший контакт с непослушными дверями.

Она выскользнула из люка, прежде чем он успел её удержать. Дариус пошёл за ней, но охрана дала новую серию импульсов, и ему пришлось прикрыть выход.

Ария добежала до доковой панели у большого смотрового стекла. За стеклом уходили ремонтные огни. Вдали тянулось гиперкольцо. Его свет всё ещё шёл неровно.

Панель встретила её отказом.

— Код отсутствует.

— Да знаю я.

Белый след на ладони исчез. Ария ударила по панели кулаком. Больно и бесполезно.

— Давай, — сказала она сквозь зубы. — Мне не нужен трон и то, что вы спрятали. Мне нужно открыть фиксатор и шлюз. Это ремонтный док.

Панель молчала. Сзади Дариус крикнул её имя. Два бойца прорвались ближе. Дариус держал их, но долго это не продлится. Ария прижала ладонь к панели и больше не спорила.

В памяти снова появился коридор. Женщина несла ребёнка и закрывала его плащом. Где-то далеко гремели двери. «Не называйте её», — шептал кто-то. Детский голос неслышно произнёс: «Дом?»

Ария открыла глаза.

— Я не знаю, где мой дом, — сказала она панели. — Но этих людей я отсюда выведу.

Панель вспыхнула белым.

Фиксатор два отстрелился. Вскоре открылся внешний шлюз. Воздух рванул к выходу. Ария вцепилась в поручень, но её потянуло к стеклу и открытой пустоте.

Дариус успел подхватить её за пояс. На этот раз не мягко, а грубо, больно, живо.

— Ты решила проверить, как далеко меня можно довести? — прорычал он.

— Научный интерес.

— Я тебя сейчас сам изолирую.

— Сначала на корабль.

Они добежали до люка. Последний импульс охраны ударил в край посадочной рамы, металл вспыхнул. Пилот заорала:

— Все внутри или я улетаю с вашей совестью за бортом!

— Лети! — крикнул Дариус, заталкивая Арию в проход.

Люк закрылся. «Лисса» дёрнулась, освободилась от фиксаторов и пошла назад от доковой стены. Гравимотор завыл так, будто действительно обиделся. Челнок трянуло. Раненый техник на полу сказал:

— Если мы выживем, я больше никогда не буду смеяться над старыми кораблями.

— Поздно, — ответила пилот. — Она всё слышала.

Ария опустилась на боковое сиденье. Руки дрожали, и она сжала их между коленями. Конечно, Дариус всё равно видел.

— Ты опять решила сама, — сказал он тихо.

— А ты вывел меня без объяснений.

— Справедливо.

— Нет. Ничего сейчас не справедливо.

Он сел напротив. В отсеке было тесно. Пахло озоном, кровью, старой обшивкой и страхом. За переборкой пилот спорила с кораблём и доком.

— Я не хотел, чтобы тебя забрали, — сказал Дариус.

— Я знаю.

— Но это не оправдание.

— Я знаю.

Он посмотрел на неё, будто хотел добавить что-то ещё, но не нашёл фразы. Ария злилась на него за приказ и побег, а на себя — за то, что пошла за ним вскоре. Доверие оказалось быстрее обиды.

Челнок вышел из докового кармана. За иллюминатором удалялся док семнадцать. По его большому стеклу прошла красная линия. Сначала Ария решила, что это трещина. Но линия складывалась в буквы.

Пилот тоже заметила.

— Эй, это не я. Я сегодня ломала только по необходимости.

На стекле дока выжигалась фраза. Большие неровные буквы, будто их писал не человек, а сам перегретый контур.

ВЕРНИСЬ В ДОМ БЕЗ ТРОНА.

Ария смотрела, пока док семнадцать не ушёл за поворот станции. Белый след на её ладони снова стал горячим.

Глава 7. Чёрный протокол Люмира

«Лисса» ушла в кольцевую тень через восемнадцать минут после побега из дока семнадцать. Для нормального корабля это было бы простое укрытие за мёртвой ремонтной платформой. Для старого курьера с хриплым гравимотором, раненым техником на полу и женщиной, которую Голоссеть только что назвала Синен, это походило на чудо. Дариус не любил слово «чудо». В его работе чудом обычно называли чью-то плохо оформленную халатность.

Временное убежище нашли не они. Его нашла пилот «Лиссы», женщина по имени Кеста, которая с момента старта успела трижды обозвать корабль любимой развалиной и один раз пообещать продать его Вейрану за цену исправного кресла.

Убежище висело в кольцевой тени старого грузового модуля. Модуль числился списанным после аварии на внешнем щите. В модуле оставались воздух, питание и три комнаты. Этого хватало, чтобы спрятаться.

— Добро пожаловать в мой дворец, — сказала Кеста, когда шлюз открылся. — Не трогайте левую стену. Она считает себя полом и иногда падает.

— Это безопасно? — спросила Ария.

— Для нас или для стены?

— Жалею, что спросила.

Кеста усмехнулась и первой вошла в модуль. За ней техники занесли раненого. Дариус помог Арии выйти из челнока. Она тут же убрала руку.

Не резко. Но достаточно понятно.

— Я могу идти сама.

— Вижу.

— Тогда не держи.

— Не держу.

Он отступил на полшага. Ария прошла в модуль, не оглядываясь. Спина у неё была прямая, но Дариус видел, как она бережёт левую ладонь. Белый след то пропадал, то проступал под кожей. Резонатор ушёл далеко, но отклик остался с ней. Ситуация сужалась. То, что остаётся с человеком после контакта с древним механизмом, редко спрашивает разрешения.

Внутри модуль выглядел хуже, чем снаружи. Низкий потолок, старые крепления, пыль в углах, аварийные лампы с жёлтым светом. На стене висел плакат времён старой логистической службы: «Порядок экономит воздух». Кто-то давно дописал снизу: «А хаос хотя бы веселит».

Ария прочитала и устало хмыкнула.

— У этого модуля есть чувство юмора.

— Это не модуль, — сказала Кеста. — Это мой бывший склад. Он видел больше правды, чем половина Совета.

— Надеюсь, он не ведёт запись, — сказал Дариус.

— Ведёт. Но только на себя. Самолюбивый склад.

Дариус проверил входной шлюз, затем второй, затем аварийный люк. Всё держалось на честном слове, старой проводке и упрямстве Кесты. Этого было мало, но пока лучше, чем изоляционный сектор Сайры.

Раненого техника уложили на складной стол. Его звали Рамм. Он был бледный, но говорил уверенно, а это часто значило, что человек либо выживет, либо будет до конца мешать медикам работать.

— Ногу я чувствую плохо, зато чувствую, что меня героически похитили вместе с начальством, — сообщил он.

— Вы можете жаловаться, — сказала Ария, садясь на ящик у стены.

— Кому?

— Видимо, мне. Все сегодня жалуются мне.

Рамм подумал.

— Тогда жалуюсь: ваш побег не был согласован с ремонтным персоналом.

— Принято. В следующий раз пришлю заявку.

Кеста раскрыла полевой медблок.

— Если будет следующий раз, я возьму дорожку.

Дариус улыбнулся, но только почти. Много линий вокруг них закрывалось. Совет наверняка объявил внутреннюю тревогу. Сайра перекрыла официальные маршруты. Морр будет требовать вернуть Арию. Вейран получил часть записи. Лейла Тран, если выжила в этом хаосе с браслетом, тащила наружу всё, что успела снять.

И всё равно самым опасным сейчас был не внешний поиск. Самым опасным был чёрный пакет в его кармане.

Пластина снова нагрелась, будто напоминала о себе.

Дариус ушёл в соседний отсек. Там когда-то хранили навигационные бобины. Теперь стоял старый стол, два стула и пыльный экран, который включился с третьего удара. Кеста сунула голову в проём.

— Если экран взорвётся, бейте по правому краю. Он уважает силу.

— Спасибо.

— Не за что. Я вообще щедрая, когда вокруг бегают вооружённые люди и никто не платит.

Она ушла. Дариус закрыл дверь.

Пластина открылась после проверки ладони. Красная строка всё ещё горела сверху:

ПРОТОКОЛ СДЕРЖИВАНИЯ. ОБЪЕКТ: АРИЯ ТАДРИН.

Дариус задержал взгляд на слове «объект». Оно раздражало сильнее, чем угроза. Угроза хотя бы честна. «Объект» делает вид, что человека нет, осталась задача.

Он подключил пластину к старому экрану. Система возмутилась несовместимостью, потом сдалась. На экране открылись слои документа: приказ, приложения, медицинский блок и архивная связка.

Первый слой он видел. Изоляция без суда. Основание: риск голосетелевого заражения, риск несанкционированного

доступа, риск общественной дестабилизации.

Дариус запросил второй слой. Доступ отказан.

Он ввёл боевой код Лаэрна. Экран мигнул и выдал предупреждение: «Использование устаревшего допуска будет зафиксировано».

— Записывай, — сказал Дариус. — Хоть кому-то будет чем заняться.

Доступ открылся частично.

На экране появились даты. Дариус сразу нашёл первую.

Шестнадцать лет назад. Не сегодня. Не перед приёмом. Не после сбоя в Зале Голосов.

Шестнадцать лет назад кто-то знал, что Ария Тадрин однажды может стать проблемой.

Он открыл приложение «Линия Тадрин».

Текст был сухой, ведомственный. Так пишут о транспортировке оборудования, чтобы никто не подумал о плаче в эвакуационном коридоре.

«Приёмная линия Тадрин признана пригодной для долгосрочного размещения носителя. Основные параметры: лояльность Люмира, отсутствие прямых связей с Домом Сиен, медицинская готовность, низкий политический след. Ввести памятную сшивку мягкого типа. Родительский контур ограничить. Голосовой след разделить».

Дариус перечитал последнюю фразу.

Голосовой след разделить.

Ария в соседней комнате разговаривала с Кестой. Голос

был усталым, но живым. Её голос. Не архивный, не протокольный, не чьё-то «носитель». И кто-то шестнадцать лет назад спокойно решил, что этот голос можно разорвать на части.

Он открыл список исполнителей.

Имена шли колонкой. Часть была закрыта, но не вся. Рядом — должности на момент операции и текущий статус.

Морн Керис — архивный куратор эвакуационных линий.
Статус: умер.

Севен Олл — медицинский стабилизатор, генный блок.
Статус: неизвестен.

Илана Тадрин — приёмный контур. Статус: умерла.

Рой Тадрин — приёмный контур. Статус: умер.

Айлинн Лайвис — синенский свидетель. Статус: уничтожить публичную связку.

Тавен Морр — младший координатор Совета. Статус: действующий федеральный куратор.

Сайра Рут — военная оценка рисков. Статус: адмирал узлового флота.

Марен Воск — архивный контролёр. Статус: член Совета безопасности.

Дариус медленно откинулся на стуле.

Половина мертва. Двое поднялись высоко. Один стоял сегодня в зале и требовал отдать Арию под контроль Совета. Одна вела охоту и говорила, что это протокол.

Сайра.

Он не хотел видеть её имя в списке. Это было глупо. Дариус давно не жил в мире, где люди из прошлого остаются чистыми только потому, что он когда-то им доверял. Но всё равно не хотел.

Дверь открылась без стука. Ария вошла в отсек.

— Если ты собирался спрятаться от меня за закрытой дверью, выбрал плохую дверь.

— Кеста сказала, что она заедает.

— Я сказала двери, что у меня плохой день.

— И она испугалась?

— Она умнее Совета.

Ария остановилась у стола. Посмотрела на экран. Дариус не стал закрывать список. Поздно было решать за неё, что она может видеть.

Её взгляд прошёл по именам. На Тадриных она задержалась дольше. Лицо не изменилось, только пальцы на краю стола побелели.

— Илана и Рой, — сказала она. — Мои родители.

— Приёмный контур, — тихо сказал Дариус. — Так в документе.

— Прекрасно. Даже любовь у нас теперь контур.

— Ария...

— Не надо.

Она опёрлась ладонью о стол. Белый след на коже вспыхнул и тут же погас. Она заметила, убрала руку и сжала кулак.

— Они знали?

— В документе нет ответа.

— Ты всегда так говоришь, когда ответ плохой?

— Когда его нет.

Она посмотрела на него.

— А ты как думаешь?

Дариус не любил такие вопросы. На войне за догадки можно было потерять корабль. Но сейчас она спрашивала не командора. Она спрашивала человека, который успел вытащить её из-под охраны и всё равно скрывал приказ до последнего.

— Думаю, они знали часть. Не всё.

— Удобная милость.

— Возможно.

Ария коротко выдохнула и посмотрела на экран снова.

— Сайра тоже в списке.

— Да.

— Она знала?

— Она участвовала в оценке рисков. Тогда она была младшим офицером.

— Ты её защищаешь?

— Нет. Я уточняю.

— Это у тебя часто одно и то же.

Он принял удар молча. Заслужил.

Ария провела пальцем по строке с именем Айлинн Лайвис.

— «Синенский свидетель». Что это значит?

— Не знаю.

— Удобно вы все сегодня не знаете.

— Я могу придумать, но ты просила не решать за тебя.

Она посмотрела на него зло. Потом уголок губ дрогнул.

— Нечестный приём.

— Действенный.

— Не радуйся.

Он не радовался. Даже близко.

Старый экран зашипел. Пластина открыла новый слой сама, без запроса. На этот раз появился видеолог. Изображение было плохим: эвакуационный коридор, красный аварийный свет, люди в дыму. Женщина в тёмном плаще держит на руках ребёнка. Девочка прижимает ладонь к горлу, словно боится потерять голос.

Ария замерла.

Дариус сразу понял: она видит не запись. Она узнаёт не лицом. Телом.

— Останови, — сказала она.

Он остановил кадр.

Женщина в плаще была повернута боком. Лица едва видно. На запястье — старый знак, похожий на синенскую печать, но не парадную, а служебную. Девочка смотрела прямо в камеру. Глаза широко раскрыты. На щеке пепел.

Ария подошла ближе.

— Это я?

— Похоже.

— Не говори «похоже».

— Да. Думаю, это ты.

Она закрыла глаза. Несколько секунд дышала. Дариус хотел подойти, но не сделал этого. Иногда помощь — это не трогать.

— Я не помню этого, — сказала она.

— После того, что я видел в файлах, это не удивительно.

— Не утешает.

— Я и не умею.

— Умеешь. Делаешь это как человек, который извиняется за плохую погоду.

Он опустил взгляд.

— Ария, я должен был сказать раньше.

— Да.

— Я получил приказ перед демонстрацией.

— Я знаю.

— Не всё.

— Я тоже.

Эта фраза повисла между ними. Между ними стояло всё: имя Синен, след на ладони, детский плач, побег и доверие, которое не исчезло.

Дариус открыл медицинский блок.

Там было меньше текста и больше схем. Генетические маркеры, возрастные корректировки, стабилизация памяти, пометка о генных симбионтах. Часть строк закрыта, но одна открылась полностью:

«Разрыв имени считать успешным. Имя, память и голосовой след разделены. Внешняя биография Тадрин устойчива. Риск спонтанного отклика сохраняется при контакте с синенскими резонаторами».

Ария тихо рассмеялась. Без веселья.

— То есть вся моя жизнь устойчива, пока я не встречаю вещь, которая знает меня лучше меня самой.

— Это их язык. Не твой.

— А моя жизнь?

— Твоя.

Она посмотрела на него долго.

— Ты сам в это веришь?

Дариус хотел ответить сразу. Правильно, уверенно. Но слова застряли. Вера всегда была проще, когда речь шла о флоте, маршруте и приказе. Закон мог быть жёстким, но не подлым. Он много лет держался за это различие. Сегодня оно разваливалось у него в руках.

— Я хочу верить, — сказал он наконец. — Но этого мало.

Ария кивнула, будто ожидала именно такого ответа.

В соседнем отсеке Кеста громко выругалась.

— У нас гости на дальнем сканере!

Дариус вскочил. На экран вышла карта. Два малых патрульных катера проходили внешний край кольцевой тени. Не прямо к ним, но близко. Близко.

— Сайра? — спросила Ария.

— Скорее её люди.

— Или Морра.

— Или Вейрана.

— Ты специально перечисляешь варианты, чтобы мне стало легче?

— Получается?

— Нет.

Дариус перешёл в общий отсек. Кеста сидела у старой панели модуля. Раненый Рамм, несмотря на перевязанную ногу, пытался держать в руках ремонтный сканер.

— Ложитесь, — сказал Дариус.

— Я лежу профессионально, — ответил Рамм. — Сканер сам ко мне пришёл.

Кеста ткнула пальцем в экран.

— Два катера. Идут по схеме Сайры, но сигнал странный. Не прямой поиск. Будто их кто-то ведёт по запаху.

Ария остановилась за спиной Дариуса.

— По мне?

— Не знаю, — сказал он.

Белый след на её ладони опять вспыхнул. На панели модуля тут же прошла помеха.

Кеста обернулась.

— Вот только не надо дружить с моим складом без разрешения. Он впечатлительный.

Ария убрала руку за спину.

— Я ничего не делала.

— Это самое тревожное.

Дариус вернулся к столу с пластиной. Если катера идут не по обычному поисковому шаблону, значит, их ведёт не только приказ. Возможно, срабатывает след резонатора. Возможно, протокол изоляции получил обновление и теперь ищет не Арию Тадрин, а то имя, которое произнесла Голоссеть.

Он открыл слой «поисковые условия».

Экран запросил второй допуск.

— Нужен код Совета, — сказал он.

— У нас его нет, — сказала Ария.

— У Морра есть.

— Морра нет.

Кеста крикнула из соседнего отсека:

— Если нужно украсть у Морра код, то он оставил старую подпись в доковом приказе. Я не подслушивала. Мой корабль любит сплетни.

Дариус посмотрел на Арию. Она подняла брови.

— Не смотри на меня. Я сегодня открывала шлюз просьбой. Взлом Совета — твоя очередь.

Дариус подключил журнал «Лиссы». Кеста действительно сохранила кусок командного пакета из дока. Подпись Морра была неполной, но старому экрану и боевому коду Лаэрна хватило. Пластина возмутилась, пискнула и открыла следующий слой.

На экране появилась схема.

Не карта маршрута. Карта человека.

Схема связывала имя Тадрин, медицинские маркеры, го-

лосовой след и возможный Ключ имени. Слова шли блоками, аккуратно, красиво.

Ария подошла ближе.

— Ключ имени?

Дариус не ответил. Он читал дальше.

«При угрозе пробуждения Ключа имени: изолировать носителя, не допустить добровольного произнесения истинного имени, разорвать контакт с резонаторами и свидетелями эвакуации».

— Свидетелями эвакуации, — повторила Ария. — Айлинн Лайвис?

— Возможно.

— То есть где-то есть люди, которые знают, что со мной сделали.

— Или были.

— Не смягчай.

— Где-то есть люди, которые знают, что с тобой сделали, — сказал Дариус.

Она кивнула. На лице у неё не было облегчения. Только новая собранность. Дариус знал этот вид. Так человек выбирает цель.

На панели Кесты пискнул сигнал.

— Катера меняют курс. Один идёт к нам.

— Сколько времени? — спросил Дариус.

— Пять минут, если он осторожный. Две, если умный.

Очень надеюсь, что там идиот.

Рамм поднял руку.

— Я голосую за идиота.

— Возражений нет, — сказала Кеста.

Дариус сохранил все открытые слои на отдельный носитель. Потом попытался закрыть протокол. Экран не закрылся. Вместо этого пластина выдала последний скрытый блок.

«Финальное ограничение».

— Дариус, — сказала Ария. — Что там?

Он сам не сразу ответил.

На экране была одна строка. Без длинных оснований, без таблиц, без ссылок на безопасность. Иногда настоящая цель документа пряталась не в первом приказе, а в последней строке, где чиновники забывали украсить жестокость.

«Ключ имени не должен быть произнесён добровольно».

Ария прочитала молча. Потом посмотрела на него.

— Значит, они боятся не того, что я узнаю имя.

— Да.

— Они боятся, что я сама его выберу.

Дариус хотел сказать, что это ещё надо проверить. Что строка может быть частью старого протокола. Что они не знают всего. Но все эти слова были бы трусливыми.

— Да, — сказал он.

Модуль дрогнул. Внешний датчик выдал короткую тревогу: катер вошёл в кольцевую тень.

Кеста из соседнего отсека крикнула:

— Похоже, нам достался умный!

Ария не отвела взгляда от строки.

— Тогда у нас две минуты, чтобы решить, кто я для них.

Дариус снял носитель с протоколом и закрыл пластину.

— Нет, — сказал он. — У нас две минуты, чтобы не дать им решить это за тебя.

Глава 8. Архивный ребёнок

Лейла Тран вышла из Зала Голосов через служебный коридор, который официально не существовал для прессы. Это был хороший коридор.

Лейла держала левую руку в кармане куртки и пальцами сжимала обломок архивной пластины.

Три фразы — мало для публикации. Но достаточно, чтобы понять: Ария Тадрин не попала в чужую историю.

На браслете связи мигал красный значок: «Голоссетевой канал ограничен». Лейла попыталась ещё раз отправить копию во внешний сейф.

— Паника у нас, оказывается, умнее правды, — сказала она.

Её голос ушёл в пустой коридор и вернулся глухо. Никто не ответил. Хорошо. В последнее время каждый ответ приносил новую проблему.

Лейла свернула к нижним лифтам. В такие минуты она относила себя к кому угодно, только не к уборщикам, потому что не любила прибираться даже в собственной жизни.

У служебного лифта стоял охранник. Не тот молодой, который пустил её утром. Этот был старше, шире и грустнее. Грустные охранники опаснее злых: они знают, что всё равно придётся выполнять глупый приказ.

— Прессу выводят через центральный коридор, — сказал

он.

— Центральный коридор закрыт.

— Тогда ждите.

— Я журналист. Если я жду, у кого-то появляется время спрятать документы. Это вредно для общества.

— Для общества сейчас вреднее бегать по станции.

— У вас очень скучная версия общества.

Охранник протянул руку к её браслету.

— Допуск.

Лейла послушно подняла руку. Тогда за стеной ударила новая тревога. Свет мигнул. Охранник невольно повернул голову. Лейла уронила из рукава пустой картридж записи. Он громко покотился под ноги.

— Ваше?

— Нет.

Охранник наклонился, и Лейла шагнула мимо него в лифт. Дверь закрылась перед самым его лицом.

Лифт пошёл вниз. На панели уровней мигали ошибки. Лейла выбрала последний.

Через четыре минуты она оказалась в нижней городской зоне узла Астрен-Вал. Здесь больше не было стеклянного блеска приёма.

Связь в этой зоне отключили полностью. Не из-за аварии. Без связи люди меньше спорят и хуже собираются толпой.

На углу стоял автомат с напитками. На его экране всё ещё крутилась запись с приёма: Ария у центральной площадки,

сияние резонатора, затем помеха.

— Конечно, держит, — сказала Лейла. — Особенно когда закрывает.

Ей нужно было найти Морна Кериса.

Имя всплыло ещё в пресс-архиве, в обломке стёртой пластины. Бывший архивный куратор эвакуационных линий. Умер по официальной записи. Потом однажды мелькнул в теневом списке свидетелей.

Керис жил, если верить её старому источнику, в зоне отключённой связи под южной башней.

Она спустилась ещё на два уровня. Шаги отдавались в металлическом полу. За мутными окнами перехода шли грузовые трубы. В одной из них стучал воздух, неровно и нервно. В другой что-то капало. Хорошее место для человека, которого официально нет.

У первого поста её остановили двое местных сторожей. Без формы, с дубинками и выражением лиц «мы не охрана, мы неприятность».

— Куда?

— К врачу.

— Тут нет врача.

— Вот поэтому мне очень надо.

Один сторож усмехнулся. Второй посмотрел на её браслет.

— Связь мёртвая. Деньги не переведёшь.

Лейла достала из кармана маленький энергетический кар-

тридж.

— Зато старый картридж живой.

— Он пустой.

— Наполовину полный, если верить оптимистам.

— А если не верить?

— Тогда он всё равно ваш.

Сторож взял картридж, взвесил на ладони и кивнул. Лейла прошла дальше. За спиной один сказал другому:

— Журналистка.

— Почему?

— Врёт быстро.

Лейла не стала обижаться. Это была профессиональная похвала.

На одном указателе ещё можно было прочесть: «Архивный отвод». Лейла пошла туда.

Комната Морна Кериса находилась за дверью без номера. Вместо номера на ней был нарисован маленький закрытый глаз. Не символ фракции. Скорее личная просьба: не смотри.

Лейла постучала три раза. Потом ещё два. Старый архивный ритм: «запрос — ответ».

За дверью что-то щёлкнуло.

— Уходите, — сказал мужской голос.

— Я пришла. Это разные действия.

— Лейла Тран?

Она замерла.

— Если скажете, что читали мои материалы, я растрога-

юсь.

— Ваши материалы шумные. Но иногда полезные. Кто вас прислал?

— Сгоревшая пластина.

Молчание длилось долго. Затем дверь открылась на ладонь. Из-под ворота проступала тёмная точка медицинского порта.

Морн Керис выглядел не как заговорщик. Скорее как человек, которому много лет назад дали бумагу, сказали «подпишите ради спасения детей», а потом вся жизнь стала подписью под чужой ложью.

— Входите быстро, — сказал он. — Эта дверь любит привлекать внимание.

— У вас всё здесь любит привлекать внимание?

— Нет. Я, например, очень стараюсь не привлекать.

Комната была маленькая. Одна чашка была склеена по краю. Лейла сразу выбрала её.

Керис закрыл дверь, приложил к ней ладонь и включил шумовой контур. В комнате появился едва заметный гул.

— Сколько у нас времени? — спросила Лейла.

— Если вы пришли после Зала Голосов, то мало.

— Вы знаете?

— Здесь связи нет. Но когда наверху глушат каналы и поднимают дроны, значит, умер важный человек или ожил неудобный архив. Сегодня, по вашим глазам, второе.

Лейла достала обломок пластины и положила на стол.

Керис смотрел на него, но не трогал.

— Где взяли?

— В мусорном буфере пресс-архива. Это звучит не так красиво, как хотелось бы, но правда редко лежит на подушке.

— Зря вы пришли.

— Все так говорят, когда хотят, чтобы я осталась.

— Я не хочу. Я умру, если скажу больше, чем мне разрешено.

Лейла перестала улыбаться.

— Симбионт-молчальник?

Керис поднял на неё глаза.

— Вы много знаете.

— Мало. Но достаточно, чтобы испугаться правильно.

Он сел напротив. Руки у него дрожали. Не от возраста. От внутреннего напряжения. На шее, под воротом, шевельнулась тёмная точка.

— После падения Синена детей вывезли больше, чем указали в отчётах, — сказал Керис. — Нивендра горела, флот менял флаги, тела не успевали считать. Фразой «спасти живых» прикрывали многое.

— Детей распределяли по приёмным линиям?

— Да. Люмира называла это защитой. Ардин называл похищением. Вейран называл стабилизацией ресурса. Дом Синен молчал, потому что часть хранителей сама отдала списки.

— Зачем?

Керис усмехнулся сухо.

— Все боялись, что дети Нивендры станут знаменем: одни хотели их спрятать, другие — сохранить для трона, третьи — изучить. Знаете, что самое мерзкое?

— Что?

— Каждый мог объяснить, что делает добро.

Лейла положила рядом с обломком свой браслет. Запись включать было опасно, но не записывать — ещё опаснее. Керис заметил.

— Не надо.

— Мне нужны доказательства.

— Вам нужны живые свидетели. А я плохо подхожу под слово «живой».

— Пока подходите.

— Пока.

На нём не было маркировки. Только царапина в форме закрытого глаза, такая же, как на двери.

— Я не могу назвать часть имён: симбионт сожжёт память и сердце, — сказал он. — Но старые ограничения дырявые. Я могу показать то, что видел сам.

— Люди с большими полномочиями всегда плохо представляют смерть.

— А архивисты представляют хорошо.

Он вставил контейнер в терминал. Экран зажёгся тусклым зелёным светом. Появилась таблица: строки, номера, отмет-

ки эвакуации. В графе «имя» у многих стояли не имена, а временные коды.

Лейла наклонилась ближе.

— Это дети?

— Остаток списка. Полный я не сохранил. Не смог. Тогда я ещё думал, что выполняю временную меру.

— А потом?

— Потом временная мера выросла, получила кабинет и начала подписывать чужие биографии.

На экране появилась строка: «Нивендра. Детский сектор. Коридор семь». Дальше — номера, даты, отметки приёмных линий.

— Имена стирали? — спросила Лейла.

— Не всегда. Чаще прятали. Имя можно стереть грубо, но тогда остаётся пустота. Пустота шумит в Голоссети. Кусками. Без доступа.

— Разрыв имени.

Керис вздрогнул. Тёмная точка на его шее шевельнулась.

— Не говорите это громко.

— Почему?

— Потому что это не термин. Это преступление, которое научилось звучать как процедура.

Лейла записала фразу в памяти, не в браслете. Некоторые фразы надо держать внутри, пока не поймёшь, кому их можно отдать.

— Ария Тадрин была одной из этих детей?

Керис закрыл глаза.

— Я не могу ответить прямо.

— Тогда ответьте криво. У меня большой опыт.

Он улыбнулся. Потом открыл новый файл. На экране появилась схема: три круга, разорванные линиями. В центре стояла пустая метка.

— Большинству детей меняли биографию, — сказал Керис. — Одного ребёнка спрятали иначе: его имя не стёрли, а разорвали, чтобы ни одна часть не открыла доступ.

— Доступ к чему?

Керис открыл рот, но звук не вышел. Он схватился за шею. Тёмная точка под кожей резко почернела.

Лейла вскочила.

— Не отвечайте.

Он махнул рукой, сел обратно и тяжело задышал. На стол упала капля крови. Маленькая, тёмная. Очень тихая.

— Видите, — прохрипел он. — Симбионт считает себя редактором. Убирает опасные места.

— Можно его отключить?

— Можно. Лет двадцать назад, до установки.

— Плохое чувство юмора у ваших врачей.

— У них не было юмора. Только инструкции.

Лейла обошла стол и посмотрела на медицинский порт. Симбионт был встроен глубоко. Самодельным способом его не вытащить. Попытка убила бы Кериса быстрее.

— Зачем вы согласились?

— Не согласился. Подписал доступ к архиву, выпил стабилизатор, проснулся с ним.

— И вы молчали все эти годы?

Он посмотрел на неё без защиты.

— Да.

Это было самое тяжёлое слово в комнате. Не оправдание, не объяснение, не красивая вина. Да.

Лейла хотела ударить его вопросом. Но перед ней был не главный палач. Перед ней был человек, который однажды испугался, потом выжил, потом долго жил с тем, что сделал.

— Почему заговорили сейчас? — спросила она.

— Потому что сегодня имя сказали за меня. Когда Голосеть произнесла Синен, мой симбионт начал жечь раньше, чем я услышал новость. Старый протокол проснулся. Значит, ребёнок дошёл до резонатора.

— Вы следили за Арией?

— Я следил за списком. Иногда это хуже. Список не стареет, не плачет и не прощает.

Терминал мигнул. Лейла видела похожий кадр на обломке. Здесь изображение было лучше. Ребёнок смотрел прямо в камеру, ладонь прижата к горлу.

— Это она? — спросила Лейла.

Керис не ответил словами. Он нажал на паузу и вывел рядом строку:

«Особый носитель. Имя не стирать. Разделить до добровольного пробуждения».

Лейла медленно села.

— Добровольного пробуждения?

Керис быстро выключил строку, но поздно.

— Они боялись, что она сама вспомнит.

— Нет, — сказал он. — Не вспомнит. Выбор не то же самое, что память. Память можно сломать, сшить, спрятать. Выбор иногда проходит через щели.

Он снова закашлялся. На этот раз дольше. Лейла подала ему воду. Он отпил, но пальцы плохо держали чашку.

— Мне нужны координаты Нивендры, — сказала она. — Настоящие. Не те, что в открытых картах.

— Нивендра закрыта старым приказом.

— Я заметила, что все старые приказы почему-то живее людей.

— Координаты есть. Но передать их по сети нельзя. Их найдут.

— Кто?

Керис посмотрел на неё с усталой насмешкой.

— Вы правда хотите список всех, кто сейчас охотится за этой девочкой?

— Она не девочка.

— Для архива она всё ещё ребёнок из коридора семь. Архивы плохо взрослеют.

Он открыл нижний ящик стола и достал маленький навигационный кристалл.

— Это путь не к столице, а к старому детскому сектору,

— сказал он. — Если Ария доберётся туда, она найдёт не трон. Хорошо бы ей это знать заранее.

— Что найдёт?

Керис покачал головой.

— То, что пережило тех, кто давал приказы.

Он протянул кристалл Лейле. Его рука дрожала сильнее. Когда она взяла кристалл, тёмная точка на шее Кериса резко вспыхнула.

— Чёрт, — сказал он спокойно.

— Что?

— Симбионт понял, что я передал маршрут.

Лейла вскочила.

— Нужен медик.

— Нужен был суд. Медик больше не успеет.

Он попытался встать, но ноги не удержали. В комнате стало тесно от гула шумового контура и его дыхания.

— Слушайте, — сказал Керис. — В контейнере есть второй файл. Не открывайте здесь. Только без сети. Там имя свидетеля.

— Айлинн Лайвис?

Он посмотрел на неё. В глазах мелькнуло удивление.

— Значит, вы нашли край.

— Где она?

— Не там, где похоронена.

— Это я поняла.

Он попытался улыбнуться. Получилось плохо.

— Хороший журналист всё портит тем, кто любит поря-
док.

— Это можно на обложку.

— Не пишите обо мне красиво.

— Не обещаю.

— Обещайте.

Лейла замолчала. Он говорил серьёзно.

— Морн Керис не герой, — сказал он. — Запишите так.

Я подписывал. Боялся. Молчал.

— Запишу.

— И ещё. Не отдавайте всё сразу в открытую Голоссеть.

Правда может убить тех детей второй раз. У многих семьи,
чужие имена, жизнь.

Лейла сжала кристалл в ладони.

Зацепиться было не за что. Она пришла за разоблачением,
которое можно ударить в эфир.

— Тогда что делать? — спросила она.

— Найти Арию. Пусть она решит, что можно назвать. Это
её имя. И не только её.

Дыхание Кериса сбилось. Он смотрел больше не на Лейлу,
а куда-то мимо, в свой старый коридор.

— Мы думали, что спасаем детей от войны. А потом от-
дали их тем, кто боялся их памяти. Разницы едва осталось.

— Морн.

— Не называйте меня мягко. Я этого не заслужил.

— Морн Керис, смотрите на меня.

Он посмотрел.

— Я передам координаты. И запишу, что вы не герой.

— Спасибо, — сказал он. — Это честнее.

Гул шумового контура вдруг оборвался. В комнате стало тихо. На шее Кериса тёмная точка погасла.

В голове не было красивых слов. Только злость, усталость и мерзкое ощущение, что она держит в руке не координаты, а чью-то вскрытую жизнь.

За дверью слышались шаги. Не сторожа. Эти шагали ровнее.

Лейла поднялась. Забрала контейнер, навигационный кристалл и обломок пластины. Потом накрыла лицо Морна старой курткой с кресла.

— Не герой, — сказала она тихо. — Договорились.

Дверь ударили снаружи.

— Открыть! Федеральная проверка!

Лейла посмотрела на комнату. Окна не было. Зато был старый вентиляционный люк за терминалом. Узкий, грязный и явно созданный не для людей. Подходящий путь.

За спиной дверь взломали. В комнату ворвались двое в форме внутренней проверки. Один сразу сказал:

— Тело здесь. Носитель данных ищите.

Лейла застыла в люке.

Тело здесь. Не человек. Даже после смерти они выбирали удобные слова.

Она поползла вперёд по вентиляции. Металл царапал лок-

ти, кристалл давил в ладонь, внизу переворачивали стол и ругались из-за пустого контейнера.

Через несколько метров браслет поймал слабый старый кабельный сигнал. На экране мелькнуло одно сообщение без подписи:

«Если вы нашли маршрут, не идите к светлым докам. Спросите того, кто помнит дом без трона».

Лейла остановилась в тёмном проходе. За ней умер архивист, впереди ждали патрули, а где-то в кольцевой тени беглая Ария Тадрин, возможно, впервые читала документы о собственной клетке.

Теперь у неё была не история для эфира, а дорога к планете, которую долго учили молчать.

Глава 9. Первый беглец

Катер вошёл в кольцевую тень без огней.

Резонатор стоял как музейный экспонат. Голоссеть говорила спокойным голосом. Приказ на её изоляцию назывался протоколом.

Теперь серая точка медленно шла к ним.

Дариус стоял рядом с экраном. В руке у него был носитель с чёрным протоколом Люмира.

Её должны были пугать патрули, арест, Морр, Сайра, Вейран. Но сильнее всего пугала не погоня.

— Сколько до контакта? — спросил Дариус.

— Если они не слепые, полторы минуты, — сказала Кеста.

— Если слепые, три. Но я бы на слепоту не ставила. Сегодня удача у нас капризная.

— Можем уйти?

— «Лисса» может. Модуль — нет. Модуль старый, гордый и никуда не полетит, даже если попросить.

Ария невольно посмотрела на свою ладонь.

Кеста заметила.

— Нет. Не просите мой склад ни о чём. У него слабая психика.

— Я не собиралась.

— Все так говорят перед тем, как открывают федеральные шлюзы голыми руками.

Дариус отключил общий свет. В отсеке остались только жёлтые аварийные линии.

— Зачем? — спросила Ария.

— Чтобы модуль выглядел мёртвым.

— Он и так не производит впечатление здорового.

— Не оскорбляйте помещение, которое вас прячет.

На браслете Арии вспыхнуло уведомление. Она удивилась: связь ещё работала. Такой приказ находил адресата даже там, где молчали все остальные линии.

На экране браслета появилась строка:

АРИЯ ТАДРИН. ДОПУСК ЗАМОРОЖЕН.

Следом вторая:

СТАТУС: НОСИТЕЛЬ УГРОЗЫ.

Потом третья:

ПРОТОКОЛЬНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ АННУЛИРОВАНЫ.

Ария прочитала всё без выражения. Система снимала с неё жизнь слоями и делала это быстро, вежливо.

— Что там? — спросил Дариус.

Она повернула браслет к нему.

Он прочитал. Лицо у него стало жёстче.

— Носитель угрозы, — сказал Рамм со стола. — Простите, куратор, но звучит так, будто вы заразная коробка.

— Больше не куратор, — сказала Ария.

В комнате стало тише.

Она сама услышала, как прозвучали эти слова. Не с бо-

лю. С удивлением. Внутри отпустило ожидание: Люмир не объяснит ошибку, не извинится и не вернёт допуск.

Боялись, да. Только страх не отменяет клетки.

Кеста ткнула пальцем в экран.

— Катер дал сканирующий импульс. Сейчас поймёт, что модуль не такой мёртвый, как хочет казаться.

— Все на «Лиссу», — сказал Дариус.

— А модуль? — спросил Рамм.

— Модуль останется и будет изображать трагический конец беглецов.

Кеста оживилась.

— Это он умеет.

Ария поднялась. Голова сразу пошла кругом. Она ухватилась за край стола. Белый след на ладони вспыхнул и погас.

Дариус шагнул к ней, но остановился. Научился.

— Идти можешь?

— Могу.

— Честно?

— Нет. Но идти всё равно могу.

Рамм попытался сесть.

— Если меня опять понесут, просьба не героически. В прошлый раз я едва не потерял достоинство.

— Достоинство оставьте здесь, — сказала Кеста. — Места на корабле мало.

Они двинулись к шлюзу. Модуль дрожал от сканирующего луча. Снаружи катер подходил ближе.

Когда они вошли в переход к «Лиссе», по внутренней связи прорвался голос Сайры Рут:

— Командор Харран. Остановитесь. Это последний приказ до применения силового перехвата.

Дариус даже не замедлился.

— Она сказала «последний»? — спросила Кеста. — Значит, до этого были пробные?

— Сайра любит порядок, — ответил Дариус.

— А вы любите портить ей день?

— Сегодня пришлось.

Голос Сайры стал холоднее:

— Ария Тадрин, вы объявлены носителем угрозы первого уровня. Добровольно перейдите под мой контроль.

Ария остановилась у шлюза. Все посмотрели на неё.

Предложение было не самым плохим. Сайра не Морр. Но контроль всё равно оставался контролем.

Ария нажала связь.

— Адмирал Рут, кто подписал мой статус?

Пауза.

— Совет безопасности.

— Кто именно?

— Сейчас это не имеет значения.

— Значит, имеет.

— Вы не понимаете масштаба риска.

— Сегодня я открыла док без кода, услышала чужое имя и узнала, что мою биографию собрали как схему. Риск я вижу.

Кто его создал — нет.

Сайра не ответила сразу.

— Если вы уйдёте, я буду вынуждена охотиться за вами.

— Вы охотитесь.

— Пока я пытаюсь забрать вас живой.

— Звучит ласково.

Кеста тихо присвистнула. Дариус бросил на неё взгляд.

— Молчу, — сказала пилот. — красиво ругаются.

Сайра сказала:

— Ария, не превращайте себя в символ.

Эта фраза попала больнее, чем приказ. Сайра боялась не только Синен. Она боялась того, что все остальные увидят в Арии то, чем удобнее пользоваться: угрозу, наследницу, доступ, знамя, ошибку.

— Я как раз пытаюсь не дать вам всем решить, чем я стану, — ответила Ария.

Она отключила связь.

Катер за кормой модуля выпустил фиксирующий луч. Модуль дёрнулся. «Лисса» завывала тревогой.

— Бежим! — крикнула Кеста.

Они ввалились в челнок. Шлюз захлопнулся. Кеста проскочила к креслу пилота, ткнула сразу три переключателя и пнула нижнюю панель.

— Милая, если ты сейчас не заведёшься, я продам тебя не Вейрану, а детям на учебные детали.

Гравимотор ответил кашлем и низким рыком.

— Видите? — сказала Кеста. — Уважает угрозы.

Дариус закрепил Рамма у стены и сел у боковой панели. Ария пристегнулась напротив. Руки всё ещё дрожали, но теперь не от слабости. Её будто вытащили из старой формы, а новую не дали. Странное чувство. Холодное и свободное.

На её браслете вспыхнула новая строка:

ЛИЧНЫЕ СЧЕТА ЗАБЛОКИРОВАНЫ.

МЕДИЦИНСКИЙ ДОСТУП ЗАБЛОКИРОВАН.

СЕМЕЙНАЯ ЛИНИЯ ТАДРИН ПОМЕЧЕНА К ПРОВЕРКЕ.

Последняя строка ударила сильнее остальных.

— Они полезли к Тадринам, — сказала она.

Дариус поднял глаза.

— Там никого нет.

— Есть дом. Архивы. Могилы. Всё, что они ещё могут забрать задним числом.

Не полное облегчение, нет. Но что-то близкое. Если система отнимает имя, счета, допуски и мёртвую семейную линию, значит, она больше не может требовать благодарности за всё это.

Люмир снял с неё ошейник и назвал это мерой безопасности.

— Ария, — сказал Дариус.

— Я в порядке.

— Это неправда.

— Но удобно.

«Лисса» оторвалась от модуля. Позади фиксирующий луч катера ударил в пустой шлюз.

— Теперь они думают, что мы сгорели? — спросил Рамм.

— На двадцать секунд, — ответила Кеста. — Если у них плохой сканер — на сорок. Молитесь за плохой сканер.

— Я голосовал за идиотов.

— Вселенная вас не послушала.

Корабль трясло. Правый щит пищал, левый завидовал и тоже начинал пищать.

— Куда мы идём? — спросила она.

— К серому кольцепути, — сказал Дариус. — Старый маршрут до Омбриса. Его нет в действующих картах.

— Но он есть у тебя?

— У Кесты.

— Конечно, — сказала Кеста. — У меня есть всё, что когда-то запретили и забыли нормально закрыть.

— Омбрис? — Ария посмотрела на Дариуса. — Торговый узел?

— И рынок маршрутов. Там можно найти тех, кто знает про Нивендру.

— Или тех, кто продаст нас Вейрану.

— И это тоже.

Ария хотела ответить, но тогда на аварийном канале пробился слабый шум. Кеста тянулась его отключить, но Дариус поднял руку.

— Подожди.

Шум распался на щелчки. Потом появился голос. Женский, быстрый, знакомый.

— Если это тот самый беглый челнок, который сейчас делает вид, что умер, не отключайтесь.

Ария выпрямилась.

— Лейла Тран?

— О, прекрасно. Вы живы — это хорошо. Плохо то, что вас ищут Люмира, Сайра, Вейран и внутренняя проверка. А странное — у меня координаты Нивендры.

Дариус резко посмотрел на Арию.

— Где вы? — спросил он.

— В грузовом рукаве под южной башней. И прежде чем вы начнёте командовать, я знаю, что место плохое. Я туда не на отдых пришла.

Кеста быстро проверила карту.

— Южная башня по курсу к серому кольцепути. Можем забрать, если не жалко щитов, нервов и остатков приличия.

— Приличие мы потеряли в доке семнадцать, — сказала Ария. — Забираем.

Дариус включил тактическую схему.

— Лейла, у вас сколько времени?

— Смотря до чего. До патруля — минуты три. До моего желания лечь и умереть — оно наступило, но я держусь.

— Не двигайтесь к светлым докам, — сказала Ария.

На линии повисла короткая пауза.

— Вы тоже получили это сообщение?

— Нет. Но звучит как хорошее правило на сегодня.
Лейла тихо усмехнулась.

— Тогда жду в тёмном месте. Как всегда, в общем.
Связь оборвалась.

«Лисса» изменила курс. Кеста провела челнок между двумя грузовыми рамами так близко, что корпус скрипнул. Рамм закрыл глаза.

— Я не смотрю. Сообщите, когда перестану быть деталью корабля.

— Деталь корабля хотя бы полезна, — сказала Кеста.

— Я раненый.

— Так полезно страдайте молча.

Дариус следил за патрульными метками. Ария смотрела на карту. Всё выглядело просто. В реальности в этой точке ждал человек, который держал координаты планеты, назвавшей Арию чужим именем.

Не чужим. Нет. Неизвестным. От этого становилось труднее дышать.

Когда «Лисса» вышла к южной башне, за ними шёл второй катер. Не катер Сайры? Трудно сказать. Дариус заметил это сразу.

— Сигнал маскирован, — сказал он. — Не наш стандарт.

— Вейран? — спросила Ария.

— Возможно.

— У нас сегодня всё возможно. Это утомляет.

Кеста вывела челнок к грузовому рукаву. Створка аварий-

ного люка была приоткрыта. Изнутри выползла Лейла Тран с сумкой через плечо.

— Открывайте, пока я не передумала участвовать в вашей исторической катастрофе.

Дариус открыл посадочный захват. Лейла прыгнула неудачно, ударилась плечом, выругалась и всё равно удержалась. Ария помогла втянуть её внутрь.

— Вы ранены? — спросила Ария.

— Только достоинство. Но оно давно привыкло.

— Координаты?

Лейла сняла с шеи маленький навигационный кристалл.

— Здесь путь к Нивендре. Настоящий. Не парадный. Мне его передал Морн Керис.

Дариус напрягся.

— Архивист?

— Бывший. Теперь мёртвый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.